

**Александр Николаевич Островский.
Красавец мужчина**

Оглавление

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
 СЦЕНА ПЕРВАЯ
 СЦЕНА ВТОРАЯ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Аполлинария Антоновна , *пожилая дама* .

Зоя Васильевна Окоемова , *ее племянница, молодая женщина* .

Аполлон Евгеньич Окоемов , *её муж* .

Наум Федотыч Лотохин , *богатый барин, пожилой, дальний родственник Окоемовой* .

Федор Петрович Олешунин , *молодой человек, среднего состояния, землевладелец* .

Никандр Семеныч Лупачев , *пожилой барин, очень широко живущий и бросающий деньги. Репутации не безукоризненной; в хорошем обществе не принят* .

Сосипатра Семеновна , *сестра его, пожилая дама, одевается богато и оригинально, ведет себя самостоятельно и совершенно свободно, не стесняясь приличиями* .

Пьер, Жорж – *молодые люди, приятели Лупачева, без определенных занятий; похожи друг на друга, одеты и причесаны одинаково безукоризненно, по последней моде; молчаливы, скромны и совершенно приличны* .

Василий , *человек в вокзале* .

Акимыч , *старый слуга Лотохина* .

Паша , *горничная* .

Сусанна Сергеевна Лундышева , *молодая вдова, племянница Лотохина* .

Иван , *лакей Сосипатры Семеновны* .

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Вместо пролога)

Сад летнего клуба. Действие в городе Бряхимове.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Пьер и Жорж, потом Василий.

Пьер (*ложась на садовый диван*) . Жорж, ты что пил сейчас?

Жорж. Коньяк.

Пьер. Хорошо?

Жорж. Выпей, так узнаешь.

Пьер. Да мне не хочется.

Жорж. И мне не хотелось.

Пьер. Зачем же ты пил?

Жорж. От нечего делать. Пьер, что это за чудак с нами обедал?

Пьер. Наум Федотыч какой-то. Какое имя глупое, Жорж! По фамилии Лотохин. Приезжий. А кто он такой, кто ж его знает.

Жорж. Знают.

Пьер. Кто?

Жорж. Буфетчик Василий.

Пьер. Что ж он говорит?

Жорж. Говорит, что Лотохин, его барин, богатый человек, старого веку, нынешним не чета. Какого-то «старого веку», какая-то «не чета». Ничего этого я не понимаю.

Пьер. Все-таки ты знаешь больше моего, а меня спрашиваешь.

Жорж. Что я знаю? Что он старого веку, да какая-то «не чета» – только и всего. Я думал, что ты больше меня просвещен на этот счет.

Пьер. Ну, мои сведения очень ограничены. Лотохин приехал откуда-то, кажется из Москвы, покупает здесь имение, собирает о нем справки. Все это здесь бывает часто; никому бы до него и дела не было; но он человек богатый; оттого им все интересуются. Верно только одно: что он чудак.

Жорж. Я этих чудаков да простаков боюсь немножко.

Пьер. Отчего?

Жорж. А помнишь, в прошлом году какой-то чудаков наехал? Лохматый, нечесаный, сюртук в пуху, сапоги нечищенные, шампанское пополам с квасом пил. Бумажника не носил, ассигнации свертывал в комок да по разным карманам рассовывал. Карты в руках держать не умел; а обобрал всех здесь. После я его видел в Петербурге в Ливадии: раздушенный, завитой, всех опереточных артистов знает, шансонетки не хуже их поет.

Пьер. Да, бывают художники. Вот Василий. Позовем его да спросим хорошенько. *(Громко.)* Василий!

Входит Василий.

Василий. Что угодно-с?

Пьер. Ты Лотохина знаешь?

Василий. Как же не знать-с. Коли они мой барин, настоящий, природный, а не то чтоб... это, однако, довольно для меня удивительно, чтобы не знать, коли я сызмальства был их слуга.

Жорж. Богат он?

Василий *(махнув рукой)*. Ну, что уж! Может, одних вотчин у них в пяти губерниях... и там всего прочего... Про это что ж! Уж всем известно.

Пьер. Да... ну, а зачем он сюда приехал?

Василий. Именье покупают.

Жорж. Зачем ему? У него и так много.

Василий. Они не с тем, чтоб... а как, собственно, у сродственницы.

Пьер. У какой сродственницы? Кто она?

Василий. Уж это я не могу знать-с. Потому как... извольте видеть, я с ихним камардином, с Акимычем говорил... *(Таинственно.)* Они в отель-Париже стоят, три номера занимают... можете судить... «Мы, говорит, именье покупать, только, говорит, мы не за барышом гонимся, а по родственному расположению».

Пьер. В карты он играет?

Василий. Этому они не подвержены, а обыкновенно, как господа, когда со временем, для компании, отчего же... это они могут... Потому, выиграть ли, проиграть ли, это им какой расчет! А чтоб гостям удовольствие... Ну, обыкновенно, как завсегда в хороших домах.

Жорж. Давно он приехал?

Василий. Да как вам доложить! Дня четыре будет-с, а пожалуй и всех пять. Только они сродственницу свою еще не видали; в именье ездили, осматривать; а вчера приехали обратно.

Пьер. Ну, а больше ты ничего не знаешь?

Василий. Да помилуйте, я все знаю. Дяденька у них генерал, в коннице служили – так уж вот барин!...

Жорж. Где же он теперь?

Василий. В чужих краях-с.

Жорж. Ну так что же нам! Бог с ним!

Василий. Опять сестрица двоюродная, за барином замужем, которые откупами занимались, так, боже мой, брови у них... Кажется, изойди весь белый свет... Да нет, невозможно...

Пьер. Ну, довольно, будет с нас.

Василий. Больше ничего не прикажете.

Пьер. Ничего. Ступай!

Василий уходит, Лотохин и Сосипатра входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пьер, Жорж, Сосипатра и Лотохин.

Сосипатра. Вы извините, что для первого знакомства брат приглашает вас обедать не домой, а в трактир.

Лотохин. Ничего-с. Я сам бездомовник, человек кочующий; зимой по клубам, а летом по родным кочую.

Сосипатра. У вас много родни?

Лотохин. Очень много-с, и, к несчастью, все родственницы: племянницы, внуки, сестры двоюродные, троюродные, девицы да вдовы-с. Невест много. Опекать большая.

Сосипатра. Какое же это несчастье? Разве бедные? Помогать надо?

Лотохин. Нет-с, богатые, есть даже очень богатые.

Сосипатра. Чего ж лучше.

Лотохин. Красота мужская нашему семейству очень дорого обходится.

Сосипатра. Я вас не понимаю.

Лотохин. Если изволите, я вам объясню.

Сосипатра. Сделайте одолжение.

Лотохин. Только, сударыня, я заранее прошу вашего извинения: может быть, придется сказать что-нибудь такое...

Сосипатра. Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродетель и излишней стыдливостью не отличаюсь, особенно в мужском обществе. Да вот у меня платок. (*Показывает носовой платок.*) Коли что такое, так я закроюсь; а все-таки послушаю, я очень любопытна.

Лотохин. Да нет-с, сказать что-нибудь неприличное я себе не позволю; а может быть, вам покажется, что я не очень лестно отзываюсь о женском поле.

Сосипатра. Только-то? Так не бойтесь; я сама не очень высокого мнения о нашем поле. (*Пьеру и Жоржу.*) Вы, шалопаи, чему смеетесь? Говорят люди солидные...

Лотохин. Умудренные опытом.

Сосипатра. Так вы должны слушать с почтением; это вам вперед пригодится, потому что вы еще молокососы. А то лучше убирайтесь.

Пьер. Нет, уж позвольте!

Жорж. Это очень интересно.

Сосипатра. Ну, так ведите себя скромно и сидите, как умные дети сидят.

Лотохин. Так вот, изволите видеть, много у меня родственниц. Рассеяны они по разным местам Российской империи, большинство, конечно, в столицах. Объезжаю я их часто, я человек сердобольный, к родне чувствительный... Приедешь к одной, например, навестить, о здоровье узнать, о делах; а она прямо начинает, как вы думаете, с чего?

Сосипатра. Об шляпках, конечно, о платьях, вообще о тряпках.

Лотохин. Никак нет-с. Она начинает: «Ах, он меня любит!» Кто этот, «он» – я почти никогда не спрашиваю: потому что ответ один, стереотипный-с: «Мой жених, он хорош, умен, образован!»

Сосипатра. Да, правда ваша. А потом окажется, что он так же умен и образован, как вот эти милые особы.

Пьер. Вы нас в пример глупости выставляете? Merci!

Сосипатра. У женщин, коли мужчина хорош да ей нравится, так он уж и умен, и образован; это я по себе знаю. И вы, господа, дождетесь, что вас будут считать умными.

Жорж. Так обижаться не прикажете?

Сосипатра. Еще бы! Не ломайтесь, пожалуйста.

Жорж (*со вздохом*). Что же делать, Пьер! Перенесем.

Пьер (*со вздохом*). Перенесем, Жорж.

Лотохин. Так вот-с: «Ах! он меня любит!» Ну что же тут делать? Остается только радоваться. Любит, так и пускай любит. Хотя, конечно, пожилому человеку не очень интересно любоваться на эти восторги. Он тебя любит, ну и знала бы про себя. Ведь это ее дело, так сказать, келейное и общественного интереса никакого не представляет, зачем же

знакомым-то свои восторги навязывать. Другая ведь уж далеко не малолетняя, уж давно полной и довольно веской зрелости – так пудов от шести с половиною весу, – а все прыгает да ахает: «Ах, он меня любит!», «Ах, он меня любит!» Так, знаете ли, неловко как-то становится.

Сосипатра. Да, это скверно, я терпеть не могу; мне просто стыдно становится. Я очень понимаю, что вам должно быть скучно слушать эти их излияния, но ведь от этого легко избавиться. Махнуть рукой и уехать. Рад, мол, твоей радости, и бог с тобой, матушка! Блаженствуй!

Лотохин. Нельзя-с. Уж я вам докладывал, что я человек сердобольный; уж тут смотри в оба; а прозеваешь- беда! Вот извольте послушать. Заедешь к этой же родственнице этак через месяц или через два; уж совсем другой тон в доме, переход из мажора в минор. Одеколон, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носик покраснел, и разговор уж другой: «Ах, он меня разлюбил».

Пьер и Жорж смеются.

Сосипатра. Чем вы смеетесь? Бесчувственные!

Лотохин. Утешать уж тут напрасно; чем ее утетишь? Такие недуги время врачует: глядишь, через месяц и оправится, и повеселеет немножко, а через два опять заахает. Тут уж у меня совсем другая забота начинается: между охов и вздохов стараешься разведать, нет ли, кроме сердечного ущерба, еще имущественного.

Сосипатра. Да, это важный вопрос.

Лотохин. На первых порах, разумеется, ничего не узнаешь. «Ах, да стоит ли об этом говорить! Да все это вздор! Какие тут расчеты! Я все эти мелочи презираю». Ну сейчас ревизия, расспросы, и видишь, что имение расстроено, долги. «Это, мол, как же так?» – «Ах, боже мой, да что ж тут удивительного? Я готова была для него всем пожертвовать, даже жизнь, а вы пристаёте. Разве можно было ожидать, что человек с такой прекрасной наружностью имеет такую коварную душу? Этого никогда не бывает, никогда! я вас уверяю, это исключение. У кого наружность хороша, у того и душа благородная, это уж всегда, всегда, всегда! и не разговаривайте больше со мной». Вот и толкуйте с таким народом.

Сосипатра. Господа кавалеры, правда это или нет?

Пьер. Спросите у Жоржа! Я еще не жених пока, а он уж...

Жорж. Молчи, пожалуйста! Это не честно.

Пьер. Молчу.

Лотохин. Иной молодой человек, красивой наружности, такую брешь в капитале и именье-то сделает, что хоть по миру ступай. Вот почему я и стараюсь предупреждать такие катастрофы. Как увижу, что какая-нибудь родственница заахала, я тут и вьюсь.

Сосипатра. Что же вы можете сделать, если женщина действительно влюблена?

Лотохин. На разные хитрости поднимаюсь, а коли уж ничто не берет, так отступного даю. Лучше уж тысяч пять – десять бросить, чем все состояние потерять. Ведь навертываются и хорошие женихи-с, дельные, солидные, – да как и не быть при таком приданом! – так не нравятся: люди очень обыкновенные – проза. Подавай им красавцев. Глядишь, глядишь кругом, ну, слава богу, думаешь, нет красавцев, все люди как люди. И вдруг откуда ни возьмись красавец тут как тут. И где только они их откапывают? Все не было, все не было, а вдруг какой-нибудь длинноволосый уж ходит около. В бархатном сюртуке, в голубом либо в розовом галстуке, художник какой-нибудь непризнанный, певец без голоса, музыкант на неизвестном инструменте, а то так и вовсе темная личность, а голову держит гордо. Выскочит замуж БОТ за этакое проходимца, разоренье-то разореньем, да кого еще в родню-то введет! Через этакое красавца и сама-то попадет в общество, в котором и мужчине быть совестно, и нас-то наделит родственником, что не только руку подать стыдно, а того и гляди увидишь их на скамье подсудимых за мошенничество! Наказание! Наша фамилия хорошая, уважаемая; вот один только недостаток.

Пьер. Да неужели у вас все так влюбчивы?

Лотохин. Почти что все; ведь это родом бывает, в нашем семействе такая линия

вышла.

Сосипатра. Да, действительно, у вас забота большая, если вы не шутите. Мне кажется, что вы просто хотели занять меня забавным разговором после обеда, вот и придумали историю о своих родственницах.

Лотохин. Как угодно-с, спорить с вами не стану. Если мой разговор показался вам интересен, с меня и этого довольно. *(Встает.)* Извините, я пойду чайку напиться. Московская привычка.

Сосипатра. Я вас удержу не надолго, позвольте только один вопрос.

Лотохин. К вашим услугам.

Сосипатра. Вы только для одних родственниц так хлопочете, или случается и для посторонних?

Лотохин. В каком отношении?

Сосипатра. Например, устроить имение, подать совет в запутанном деле.

Лотохин. Если имею досуг, так с удовольствием-с.

Сосипатра. Не сделаете ли вы мне одолжение Дать несколько советов по моим делам? Мне обратиться не к кому, у меня нет знакомых деловых людей. Все вот такие. *(Указывая на Пьера и Жоржа.)*

Пьер. Кланяйся, Жорж!

Жорж. Кланяйся, Пьер!

Лотохин. Рад служить чем могу.

Сосипатра. Притом же мне с вами очень ловко будет; вы человек пожилой, бывалый, видали виды, с вами могу говорить не стесняясь.

Лотохин. К вашим услугам, к вашим услугам. Я хоть сегодня же к вам заеду.

Сосипатра. Милости просим.

Входит Лупачев.

Вот и потолкуем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лотохин, Сосипатра, Пьер, Жорж и Лупачев.

Лупачев. Об чем это вы толковать собираетесь?

Сосипатра. О серьезных делах.

Лупачев. Не верьте ей: никаких у нее серьезных дел нет.

Пьер. Ты напрасно. Мы и сейчас о серьезных делах толковали.

Жорж. То есть мы с Пьером слушали, а разговаривали они.

Лупачев. Любопытно.

Пьер. О женских слабостях.

Лупачев. Вот разговор нашли! Женскими слабостями надо пользоваться, а разговаривать о них не стоит.

Сосипатра. Ну, я домой. *(Лотохину.)* Извините, что задержала. Вы хотели чай пить. До свиданья. *(Подает руку Лотохину.)*

Лотохин. Мое от меня не уйдет. *(Уходит.)*

Сосипатра. Господа Аяксы! кто нынче дежурный, чья очередь меня провожать?

Жорж *(подавая руку Сосипатре)* . Моя-с.

Сосипатра и Жорж уходят.

Пьер. Что тебе за охота ублажать этого чудака. Угощаешь его обедами, шампанским; не в коня корм.

Лупачев. Ты еще молод, чтоб меня учить. Уж поверь, что я ничего даром не делаю. Он москвич, клубный обыватель, знает все трактиры и рестораны, такие люди нужны. Приедешь в Москву, он тебя такими обедами и закусками угостит, что целый год помнить будешь. А что мне за дело, что он чудака! Мне с ним не детей крестить. Поесть, выпить умеет и любит,

вот и нашего поля ягода. Кто это? никак, Зоя Васильевна?

Пьер. Да, они с теткой, а кавалером у них Олешунин.

Лупачев. Что за прелесть женщина! И кем окружена! Кабы этому бриллианту хорошую оправу. Нашла себе красивого мужа и рада. Эко счастье этому барашку! Ей не красивого, а богатого.

Пьер. Такого, как ты?

Лупачев. Да, эта женщина заблестела бы: я бы не пожалел ничего. Ну, да еще подождем; чего на свете не бывает.

Пьер. А Олешунин постоянно при ней. Уж не влюблен ли?

Лупачев. Он и любить-то не умеет, а умеет только ревновать. Он до тех пор не обращает внимания на женщину, пока она не полюбила кого-нибудь; а как полюбит, так он сейчас обижаться, почему не его.

Пьер. Это бы ничего, а вот скверно, что он очень скуп и дает займы деньги малыми суммами за большие проценты, да еще с залогом.

Входят Зоя, Аполлиария Антоновна и Олешунин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лупачев, Пьер, Зоя, Аполлиария Антоновна и Олешунин.

Аполлиария (*Олешунину*) . Нет, нет, вы никогда меня не убедите, и напрасно вы проповедуете такие идеи! вам жизнь не переделать. (*Подает руку Лупачеву и Пьеру, Зоя и Олешунин тоже.*) Да вот мы спросим Никандра Семеныча, он не меньше вашего знает.

Лупачев. Все, что я знаю, Аполлиария Антоновна, я знаю про себя, а резонерством не занимаюсь.

Аполлиария. Нет, позвольте; скажите, пожалуйста, за кого должна девушка выходить замуж?

Лупачев. Я не знаю, за кого она должна выходить, я знаю только, как это обыкновенно делается. Девушка, если она свободна, выходит замуж за того, кто ей нравится.

Аполлиария (*Олешунину*) . Ну, вот, слышите! (*Лупачеву.*) А он говорит, что девушка не должна обращать внимания на наружность мужчины, а на какие-то душевные качества.

Лупачев. Отчего ж ему и не говорить так, Аполлиария Антоновна? Всякий судит по своему. Так говорят кавалеры, которые не имеют счастья нравиться женщинам.

Аполлиария. Ах, вот прекрасно! Слово в слово, как я говорила.

Олешунин. Нашли себе поддержку и обрадовались. Не очень ли смело с вашей стороны, Никандр Семеныч, сказать, что я не нравлюсь женщинам?

Лупачев. Да я не про вас, я говорил вообще. Вы, может быть, и нравитесь, чего на свете не бывает.

Аполлиария. Можете и вы понравиться, коли женщина никого лучше не видала. Ну, а увидит Аполлона Евгеньича, так извините.

Зоя. Зачем вы трогаете моего мужа, оставьте нас в покое. Наше безмятежное счастье никому не мешает. Я не горжусь своим мужем, хотя и имела бы право. Я знаю, что не стою его и счастьем своим обязана не себе, не своим достоинствам, которых у меня мало, а только случаю. Я благодарю судьбу и блаженствую скромно.

Олешунин. Не понимаю, решительно не понимаю, за что вы себя унижаете и что такое особенное находите в своем муже.

Аполлиария. Ах, боже мой! Ну вот, подите говорите с человеком! Да что вы, или у вас глаз нет, или уж о себе очень много мечтаете!

Пьер. Не спорьте, Федор Петрович! Окоемов лучше вас.

Олешунин. Да в каком смысле, желаю я знать? . Пьер. Просто лучше, да и все тут. Не спорьте, не спорьте, нехорошо.

Олешунин. Ах, отстаньте, пожалуйста! Ну, положим, что лучше; только от этих

красавцев женщины часто страдают.

Аполлинаруя. Так уж было бы от кого. От такого мужа и страдать есть счастье; а с немилым вся жизнь есть непрерывное страдание. Зато когда видишь, как все женщины завидуют тебе, как зеленеют от злости – вот и торжествуешь, вот все страдания и все горе забыто.

Олешунин. Зависть, ревность, злоба, торжество! Все это так мелко, так ничтожно!

Аполлинаруя (*горячо*) . Да в этом вся жизнь женщины. Подите вы! Что ж ей, астрономией, что ли, заниматься!

Пьер. Bravo, Аполлинаруя Антоновна,

Лупачев. Bravo!

Аполлинаруя. Да в самом деле, господа, что же это такое! Нет, это ужасно! Винят мою Зою за то, что она нашла себе красивого мужа.

Зоя. Тетя, довольно об этом.

Аполлинаруя. погоди, Зоя. Да надо радоваться этому; по крайней мере все, кто ее любит, радуются; а я просто торжествую. Когда она была еще маленькой девочкой, я ей постоянно твердила: «Зоя, ты богата, смотри не погуби свою жизнь, как погубила твоя несчастная тетя». Ах, что это был за ребенок! Это был воск! из нее можно было сделать все, что угодно. И я сделала из нее идеал женщины, и образовала, и воспитала ее именно в тех понятиях, которые нужны Для женского счастья.

Олешунин. Любопытно, что это за понятия.

Аполлинаруя. Да уж, конечно, не ваша философия. Теперь на нее мода прошла. Теперь нужен простой, натуральный ум. Я надеюсь, господа, что я не глупа.

Лупачев. Кто же смеет в этом сомневаться.

Пьер. Кто смеет, Аполлинаруя Антоновна!

Аполлинаруя. Я ей говорила: «Не спеши выходить замуж, пусть тебя окружает толпа молодых людей; ты богата, женихи слетятся со всех сторон, жди, жди! Может, явится такси красивый мужчина, что заахают все дамы и девицы, вот тогда на зависть всем и бери его. Бери во что бы то ни стало, не жалея ничего, пожертвуй половиной состояния, и тогда ты узнаешь, в чем заключается истинное счастье женщины!» И моя Зоя торжествует. Да, я могу гордиться: я устроила ее судьбу. И если я сама не видала радостей в своей жизни, так живу ее счастьем и ее радостями.

Лупачев. Да на что вы-то можете жаловаться? Сколько мне известно, вы никакого горя в жизни не испытали.

Аполлинаруя. Вы не знаете моего горя и не можете его знать, его надо чувствовать; а чувствовать его может только женщина.

Лупачев. Значит, это горе особое, женское?

Пьер. Женского рода?

Олешунин. Мужчина может всякое горе понять, если только оно человеческое.

Пьер. погодите, не мешайте.

Аполлинаруя. Понять – пожалуй, но чувствовать вы не можете так, как женщина. Я вышла замуж очень рано, я не могла еще разбирать людей и своей воли не имела. Мои родители считали моего жениха очень хорошим человеком, оттого и отдали меня за него.

Лупачев. Да он и действительно был хороший человек.

Аполлинаруя. Я не спорю. Я могла уважать его, но все-таки была к нему равнодушна. Я была молода, еще мало видела людей и не умела еще различать мужчин по наружности, по внешним приемам; для меня почти все были равны, потому я и не протестовала. Но ведь это должно было прийти, и пришло; я вступила в совершенный возраст, и понятие о мужской красоте развилось во мне; но, господа, я уж была не свободна... выбора у меня уж не было. Должна я была страдать или нет? Нет, это драма, господа!

Лупачев. Да, действительно, положение затруднительное.

Аполлинаруя. Ведь все-таки глаза-то у меня были ведь я жила не за монастырской стеной; я видела красивых мужчин и видела их очень довольно; господа, ведь я человек, я

женщина, не могла же я не сокрушаться при мысли, что будь я свободна, так этот красавец мог быть моим, и этот, и этот.

Лупачев. Как «и этот, и этот»? да неужто...

Аполлинаруия. Ах, какие вы глупости говорите! Я хотела сказать «или этот, или этот...»

Лупачев. То-то, а уж я было подумал.

Аполлинаруия. С вами невозможно говорить.

Лупачев (*взглянув на часы*) . Да мне и некогда. Пора на железную дорогу, сейчас придет поезд.

Зоя. Вы уезжаете?

Лупачев. Нет, я встречаю.

Зоя. Кого-нибудь из наших общих знакомых?

Лупачев (*смеясь*) . Да нашего общего знакомого – мужа вашего.

Зоя. Ах, что вы, как же это?

Лупачев. Я сегодня получил телеграмму.

Зоя. Почему же он меня не известил?

Лупачев. Не знаю. Вероятно, хотел сделать вам сюрприз.

Зоя. Ах, так и я с вами. Поедьте, поедьте.

Лупачев. Не очень ажитируйтесь. Еще поспеем; это очень близко.

Зоя. Нет, поедьте! Прощайте, господа.

Аполлинаруия. Зоя, как я рада за тебя. А я к вам уж завтра утром.

Лупачев, Зоя и Аполлинаруия уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пьер и Олешунин.

Пьер. Охота вам ухаживать за женщиной, которая влюблена в своего мужа, как кошка.

Олешунин. Влюблена? Вы думаете? Позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь.

Пьер. Да вы видели, как она бросилась встречать мужа!

Олешунин. Она слепая женщина, она не видит, что он ее разлюбил давно; он уж забыл об ее суще. ствовании и даже не известил ее о своем приезде. А эта ее радость не больше, как экзальтация, которая скоро пройдет.

Пьер. Однако вот не проходит; а она уж давно замужем.

Олешунин. Советы сумасшедшей тетки парализуют мое влияние. Но я ей скоро глаза открою; она увидит ясно, что за человек ее супруг благоверный.

Пьер. И тогда?

Олешунин. Тогда она будет ценить человека по его внутренним достоинствам, а не по внешним.

Пьер. Ничего этого не будет, а если и будет, так вам нет никакой выгоды; потому что не одни же вы имеете эти внутренние достоинства, есть люди, которые имеют их больше вашего.

Олешунин. Но я первый научил ее правильно оценивать людей; я уж и теперь пользуюсь некоторым расположением ее, а тогда она, конечно, предпочтет меня всем.

Пьер. Ничего этого нет и ничего не будет.

Олешунин. Хотите пари?

Пьер. Нет, не хочу. Да мы с вами далеко зашли, вернемтесь назад. Вы говорите, что откроете ей глаза насчет мужа?-так знайте, что ни одному слову вашему она не поверит.

Олешунин. Посмотрим.

Пьер. И все передаст мужу. А он, я вам скажу, такой человек, такой человек, что...

Олешунин. Такой же он человек, как и все люди.

Пьер. Ну, нет... Он такой человек, такой человек...

Олешунин. Ну, что «человек, человек»?! Не съест же он меня.

Пьер. Ну, не поручусь. Боже мой, что он с вами сделает!

Олешунин. Пожалуйста!... Не очень-то я его боюсь. Да оставьте этот разговор; вон подходит какой-то незнакомый человек.

Пьер. Это знакомый: Наум Федотыч Лотохин, богатый барин из Москвы. Хотите, я и вас с ним познакомлю?

Олешунин. Пожалуй.

Входит Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пьер, Олешунин и Лотохин.

Пьер (*Лотохину*) . Вот позвольте вас познакомить еще с одним из наших: Федор Петрович Олешунин.

Лотохин (*подавая руку*) . А я Лотохин, Наум Федотыч. Очень приятно, очень приятно. А где же Никандр Семеныч?

Пьер. Он поехал на железную дорогу встречать приятеля своего, Аполлона Евгеньича Окоемова.

Лотохин. Окоемов-с? Вы адрес его знаете?

Пьер. На Дворянской улице, в собственном доме... То есть в доме жены, но это все равно. Извозчики знают... Вы с ним знакомы?

Лотохин. Нет, незнаком, но он мне родственник. Племянница моя, впрочем очень дальняя, замужем за ним.

Пьер. Она сейчас была здесь.

Лотохин. Очень жаль, что мы не встретились; впрочем, я бы ее не узнал, мы лет десять не видались. Надо будет заехать, поглядеть на их житье-бытье! Что за кроткое создание была эта сиротка. Она воспитывалась у тетки. Что они, согласно живут?

Пьер. А вот спросите у Федора Петровича, он у них каждый день бывает.

Олешунин. Согласно-то согласно, да не знаю, Долго ли это согласие будет продолжаться.

Лотохин. Почему же вы так думаете?

Олешунин. Она женщина прекрасная, про нее ничего сказать нельзя; ну, а он... (*Пожимает плечами.*) Не пара ей.

Лотохин. Да не мотает он, не сорит деньгами?

Пьер. Ничего подобного.

Олешунин. Ну, все-таки он проживает довольно но, кажется, не выше средств.

Лотохин. И слава богу! С меня и довольно а остальное как хотят; это уж их дело. Я только с экономической стороны.

Олешунин. Любопытно бы было присутствовать при их встрече. Каким холодом он ответит на ее восторги!

Входит Жорж.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пьер, Олешунин, Лотохин и Жорж.

Пьер. Откуда ты?

Жорж. С железной дороги. Видел трогательную встречу супругов Окоемовых: объятия, поцелуи, слезы.

Олешунин. Разумеется, со стороны жены.

Жорж. Нет, и со стороны мужа тоже, да еще в придачу он навез ей кучу разных

дорогих подарков.

Олешунин. Не понимаю.

Лотохин. Что ж тут непонятного? Так и должно быть.

Жорж (*Лотохину*). Никандр Семеныч просит вас, если вы свободны, провести сегодня вечер у него. Он извиняется, что не успел сам вас пригласить; он торопился на железную дорогу.

Лотохин. Это все равно. Хорошо, я приеду.

Жорж. Поедем, Пьер! (*Лотохину.*) До свидания!

Пьер. Поедем, Жорж! (*Лотохину.*) До свидания!

Пьери Жоржуходят. Олешунин молча кланяется и уходит в другую сторону.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лотохин, потом Акимыч.

Лотохин. Что за чудеса! Зоя с мужем живет в трогательном согласии, мотовства нет; а имение продают за бесценок? Что их заставляет? Никак не догадаешься. Ну, утро вечера мудренее: завтра заеду к ним и разберу все дела.

Входит Акимыч.

Что ты, Акимыч?

Акимыч (*сняв шапку*). Письмо к вам, барин-батюшка. Думал, что, пожалуй, мол, нужно; так и побрел вас разыскивать. Извольте! (*Подает письмо.*)

Лотохин. От кого бы это? Рука женская. Должно быть, от Сусанны Сергевны?

Акимыч. Надо быть, что от них-с. Коронку-то у них на письмах я заприметил, так сходственная.

Лотохин (*распечатывает письмо*). Надень шапку-то!

Акимыч. Ну, вот... что уж... не зима... (*Отходит к стороне.*)

Лотохин (*пробежав глазами несколько строк*). Что такое, что такое? Глазам не верю. (*Читает.*) «Милый дядя! Как я рада, что ты в настоящее время в Бряхимове. Судьба, видимо, мне благоприятствует. Мне нужно как можно скорее продать мое бряхимовское имение; тем на месте ты скорей найдешь покупателя. Пожалуйста, не очень торгуйся. Ты такой скупой, что ужас». Батюшки! Что ж это такое! (*Читает.*) «Мне денег, дядя, денег нужно; от них зависит не только мое счастье, но и жизнь. Доверенность и все документы я пришлю завтра, а вернее, что сама приеду. Вашему хваленому жениху, умному, практичному человеку, как вы его величали, я отказала. Нет, дядя, не того жаждет душа моя. Я не хотела много распространяться в письме, но не могу, нет сил скрыть моей радости. Милый дядя, я нашла свой идеал; ах, милый дядя, я встретила... да, я встретила человека... Он молод, умен, образован, а как хорош собой, ах, как хорош!» Ну, эта песенка знакома мне. (*Читает.*) «Но, милый дядя, пожалей меня, несчастную, есть препятствия! Чтобы побороть их, нужны деньги, нужно много денег!» Нет, я не выдержу, закричу караул. (*Читает.*) «Для того-то я и продаю имение, я ничего не пожалею!» Акимыч, караул! Грабят!

Акимыч. Чего изволите, барин-батюшка?

Лотохин. Грабят, говорю тебе, грабят!

Акимыч. Что же это! Да, господи, помилуй!

Лотохин. Пойдем домой! Грабят, грабят, караул!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала в доме Окоемовых, в глубине входная дверь; направо (от актеров) дверь в гостиную, налево – в кабинет Окоемова; мебели и вся обстановка приличные.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Окоемов и Аполлиария (выходят из двери налево), потом Паша.

Окоемов. Так вы без меня поживали довольно весело?

Аполлиария. Ну, какое веселье! Не знали куда деться от скуки.

Окоемов. И за вами никто не ухаживал; может ли это быть?

Аполлиария. За кем «за вами»?

Окоемов. За женой моей и за вами.

Аполлиария. Да кто же смеет!

Окоемов. О, если за тем только дело стало, так смелые люди найдутся.

Аполлиария. Как это у вас язык-то поворачивается такие глупости говорить.

Окоемов. Не понимаю, чего это здесь молодые люди смотрят! Две женщины свободные, живут одни, а молодежь зевает. Нет, я бы не утерпел.

Аполлиария. Да перестаньте! как вам не стыдно! про меня, пожалуй, говорите что хотите; а про жену не смейте! Она вас уж так любит, что и представить себе невозможно.

Окоемов. Как это ей не надоест.

Аполлиария. Что «не надоест»?

Окоемов. Да любить-то меня.

Аполлиария. Ах, что вы говорите! Это невыносимо, невыносимо.

Окоемов. Ну, люби год, два, а ведь она за мной замужем-то лет шесть, коли не больше.

Аполлиария. Ведь это мужчины только непостоянны; а женская любовь и верность – до гроба.

Окоемов. Ах, не пугайте, пожалуйста! Что ж вы мне этого прежде не сказали, я бы и не женился.

Аполлиария. Да, понимаю... Вы шутить изволите, милостивый государь. Вам весело, что вы завоевали два такие преданные сердца, как мое и Зои, вот вы и потешаетесь. А я-то разглагольствую.

Окоемов. Нет, что за шутка! Я серьезно.

Аполлиария. Ну да, как же, серьезно! Вы, я думаю, во всю свою жизнь ни разу серьезно-то с женщинами не разговаривали. Да, впрочем, вам и не нужно, вас и так обожают.

Окоемов. Так вы, бедные, скучали? Это жаль. Неужели даже Федя Олешунин не посещал вас?

Аполлиария. Вот нашли человека.

Окоемов. Вы уж очень разборчивы; чем же Федя Олешунин не кавалер! Один недостаток: сам себя хвалит. Да это не порок. Человек милый; я его очень люблю.

Аполлиария. Ну, уж позвольте не поверить. Это такой скучный, такой неприятный господин! А что он про вас говорит, кабы вы знали.

Окоемов. Да знаю, все равно; я его за это-то и люблю.

Аполлиария. Он ужас что говорит; он говорит, что женщины не должны обращать внимания на внешность мужчины, не должны обращать внимания на красоту! Да что ж, ослепнуть нам, что ли? Нужно искать внутренних достоинств: ума, сердца, благородства...

Окоемов. Да, да, да.

Аполлиария. Да скоро ль их найдешь... Мужчины так хитры... Да и вздор все это.

Окоемов. Он правду говорит, правду. Это лучший друг мой. И я прошу вас быть с ним как можно любезнее. И Зое скажите, чтоб она была ласковее с Олешуниным; этим она доставит мне большое удовольствие.

Аполлиария. Вот уж не ожидала.

Окоемов. Нет, я вас серьезно прошу.

Аполлиария. А коли просите, так надо исполнять; я не знаю, у кого достанет сил отказать вам в чем-нибудь. Для нас ваше слово закон. Зоя так вас любит, что она за счастье сочтет сделать вам угодное. Да и я... Ох... еще это неизвестно, кто из нас больше любит вас,

она или я.

Окоемов. А что ж вы молчали до сих пор, что меня любите!

Аполлинария (*конфузясь*) . Да, может быть, вы не так понимаете...

Окоемов. Да что уж толковать! Ну, берегитесь теперь!

Аполлинария. Ах, что вы, что вы!

Окоемов. Да уж поздно ахать-то. (*Обнимает одной рукой Аполлинарию.*) Ну, подите же к Зое, а то она приревнует; да поговорите ей насчет Олешунина.

Паша (*вводит*) . Федор Петрович Олешунин.

Окоемов. Проси ко мне в кабинет. (*Уходит в кабинет.*)

Паша уходит в переднюю.

Аполлинария. Ах, что это за мужчина! Он какой-то неотразимый. На него и обижаться нельзя, ему все можно простить!

Входит Зоя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аполлинария и Зоя.

Зоя. Ах, тетя, я не могу опомниться от радости. Как он меня любит, как он меня любит!

Аполлинария. Счастливая ты, Зоя, счастливая!

Зоя. Прежде он иногда бывал задумчив, как будто скучал; хоть не часто, а бывало с ним. А ведь это, тетя, ужасно видеть, когда муж скучает; как-то страшно делается...

Аполлинария. Ну, еще бы.

Зоя. Какой веселый приехал, сколько мне подарков привез; ко мне постоянно с лаской да с шутками. Я его давно таким милым не видала.

Аполлинария. Он и со мной все шутил. Он просил, чтоб мы были как можно любезнее с Олешуниным.

Зоя. Неужели? Зачем это?

Аполлинария. Он говорил, что считает его лучшим своим другом, и очень хвалил его.

Зоя. Я догадываюсь: он, вероятно, хочет пошутить над ним, подучить его. Он и прежде любил посмеяться над ним. Что ж, тетя, сделаем ему угодное; это для нас ничего не стоит.

Входят из кабинета Окоемов и Олешунин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зоя, Аполлинария, Окоемов и Олешунин.

Окоемов. Очень, очень благодарен вам, добрейший Федор Петрович! Из моих друзей только вы ведете себя, как истинно порядочный человек. Как я из дому, так все и бросили мою жену; хоть умирай со скуки.

Олешунин. Я всегда был так привязан к Зое Васильевне и к ее семейству; зачем же меняться мне?

Окоемов. Да я, признаться, и не жалею, что здешняя молодежь без меня не обивала мои пороги. Все они так пусты, так ничтожны, что от их разговоров, кроме головной боли, никаких следов не остается.

Зоя. Да, уж лучше одним проскучать, чем слушать глупые анекдоты Пьера или Жоржа.

Аполлинария. И другие не лучше их.

Окоемов. Да уж и вы-то хороши! что у вас за интересы, что за разговоры, как вас послушать. Вы таких людей, как Федор Петрович, должны на руках носить. Он один затрогивает серьезные вопросы, один возмущается вашей мелочностью и пустотой. Проще

сказать, он один между нами серьезный человек. Я не говорю, чтобы в нашем городе уж совсем не было людей умнее и дельнее Федора Петровича; вероятно, есть немало.

Олешунин. Конечно, но...

Окоемов. Но они с нами не водятся; а ему спасибо за то, что он нашим пустым обществом не гнушается,

Аполлинария. Да мы ему и так очень благодарны.

Окоемов. Нет, мало цените. Ведь мало вас ценят, Федор Петрович?

Олешунин. Но я надеюсь, что со временем...

Окоемов. Непременно, Федор Петрович, непременно. (*Аполлинарии.*) Ведь умных и дельных людей ни за что не заманить в нашу компанию. Они очень хорошо знают, что учить вас и нас уму-разуму напрасный труд, что ровно ничего из этого не выйдет; а он жертвует собой и не жалеет для вас красноречия.

Зоя. Да я всегда с удовольствием слушаю Федора Петровича.

Окоемов. И прекрасно делаешь, Зоя. Я прошу тебя и вперед быть как можно внимательнее к Федору Петровичу. Его беседы тебе очень полезны. Не бойся, я к нему ревновать не стану, я знаю, что он человек высокой нравственности.

Олешунин (*пожимая руку Окоемову*) . Благодарю вас! Вы меня поняли. Я не люблю хвалить себя, я хочу только, чтоб мне отдавали справедливость. Я скажу вам откровенно... я читал жизнеописания Плутарха... Для меня очень странно, за что эти люди считаются вескими. Я все эти черты в себе нахожу, только мне нет случая их выказать.

Окоемов. Может быть, и представится.

Олешунин. Положим, что я не считаю себя великим человеком.

Окоемов. Отчего же? Это вы напрасно.

Олешунин. Но что я не хуже других, это я знаю верно.

Окоемов. Конечно, конечно. Так вот вы и слушайте, что говорит Федор Петрович. Все это вам на пользу. Конечно, истины, которые он вам проповедует, так сказать, дешевые и всякому гимназисту известные; но вы-то их не знаете. Вот в чем его заслуга.

Зоя. Пойдемте ко мне, Федор Петрович, я вас чаем напою с вареньем.

Уходят Зоя, Аполлинария и Олешунин. Паша показывается из передней.

Паша. Никандр Семеныч.

Окоемовидетнавстречу. Входит Лупачев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Окоемов и Лупачев.

Лупачев (*подавая руку*) . Ты что-то, я замечаю, весел приехал. Это добрый знак. С чем поздравить?

Окоемов. Погоди, еще поздравлять рано.

Лупачев. Но все-таки что-нибудь да есть. Я по глазам твоим вижу. Ты не мечтатель, пустыми надеждами не увлечешься.

Окоемов. Ну конечно.

Лупачев. Ты всегда довольно верно рассчитываешь шансы.

Окоемов. Все слухи, все сведения, которые я получил от тебя, оправдались. Могу сказать, что я съездил не даром.

Лупачев. Я не спрашиваю, понравилась ли она тебе...

Окоемов. Нет, отчего же? Все, что говорили, правда; она и довольно молода, и хороша собой, характер прелестный, живой, веселый.

Лупачев. А существенное?

Окоемов. Достаточно, очень достаточно; самым широким требованиям удовлетворяет. Одним словом, с такими средствами доступно все.

Лупачев. Но ведь не богаче же Оболдуевой?

Окоёмов. О да, конечно, куда же! У Оболдуевой, кроме богатейших имений, несколько миллионов денег. Это черт знает что такое – это с ума можно сойти!... Десятки тысяч десятин чернозему, сотни тысяч десятин лесу, четыре винокуренных завода, полтора ста кабаков в одном уезде. Вот это куш!

Лупачев. Не удалось тебе с ней познакомиться; а хлопотал ты очень.

Окоёмов. Да и познакомился бы, если б она была свободна; а то у нее отец, человек с предрассудками. Меня даже и не пустили в их общество; отец не хотел, потому, видишь ли, что у меня репутация не хороша.

Лупачев. Да как же он смеет так говорить про тебя? Чем твоя репутация не хороша?

Окоёмов. Идиот; что с него взять-то!

Лупачев. Умному человеку пользоваться своим умом позволяется, а красивому человеку пользоваться своей красотой предосудительно. Вот какие у них понятия. Оболдуева, кажется, на днях сюда приедет; сестра что-то говорила.

Окоёмов. Сюда? *(Несколько времени находится в задумчивости.)* Э, да что тут думать! Она приедет с отцом, он ни на шаг ее от себя не отпускает, значит мне туда ходу нет. Это мечты, будем говорить о деле.

Лупачев. Ты, разумеется, наводил справки?

Окоёмов. Самые подробные, и документы видел. В моем положении рисковать нельзя: ведь такой шаг только раз в жизни можно сделать.

Лупачев. И что же?

Окоёмов. Более полтора ста тысяч доходу.

Лупачев. Брависсимо! Ты меня извини, что я вмешиваюсь в твои дела и вызываю тебя на откровенность! Ты знаешь, что и я тут заинтересован немножко.

Окоёмов. Еще бы!

Лупачев. Значит, ее судьба решена. *(Кивает по направлению к гостиной.)*

Окоёмов. Что ж делать-то! Нужда.

Лупачев. Да уломаешь ли?

Окоёмов. Никакого нет сомнения. Они обе с теткой такой инструмент, на котором я разыграю какую хочешь мелодию. А жаль бедную.

Лупачев. Погоди жалеть-то! Коли она умна, так будет не бедней тебя.

Окоёмов. Что толковать-то! Ты богат как черт.

Лупачев. Допустим и это. Ты меня не попрекай, что я богат; я не виноват, родители виноваты. Как они наживали, это не мне судить: я сын почтительный, мне только остается грешить на их деньги.

Входят Зоя и Олешунин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Окоёмов, Лупачев, Зоя и Олешунин.

Зоя. До свидания, Федор Петрович, не забывайте! Мы всегда рады вашему посещению.

Олешунин раскланивается и уходит.

Лупачев *(Зое)*. Сияете!

Зоя. Сияю, Никандр Семеныч.

Окоёмов. Ну, вы побеседуйте, а я пойду приведу в порядок кой-какие счета.

Лупачев. Прощай! Я уеду сейчас домой, вечером увидимся.

Окоёмов уходит.

Зоя. Ах, Никандр Семеныч, как он меня любит! Ведь уж мы не первый год муж и жена, а точно неделю тому назад обвенчаны.

Лупачев. Да, он порядочный человек, он свои обязанности помнит.

Зоя. Какие обязанности? Любить жену разве обязанность? Я люблю его, потому что он

мне нравится, я думаю, и он тоже.

Лупачев. Когда люди сходятся по любви, так они и живут в любви, пока не надоедят друг другу; а когда бедный человек берет за женой большое приданое, так он рад ли, не рад ли, а обязан любить.

Зоя. И вы можете так дурно думать о моем муже и вашем друге.

Лупачев. Я ничего о нем не думаю; я говорю только, как это обыкновенно бывает у людей.

Зоя. Но разве не могут быть исключения?

Лупачев. Конечно, могут; и желаю, чтобы любовь вашего мужа была исключением.

Зоя. Какие у вас мрачные взгляды на жизнь!

Лупачев. Зато я никогда и не разочаровываюсь, я этого горя не знаю; а вам, с вашими розовыми взглядами, придется разочаровываться постоянно и много страдать.

Зоя. Не пугайте, пожалуйста!

Лупачев. Предостерегать не значит пугать. Пора вам, Зоя Васильевна, приходить в совершеннолетие. Браки между людьми неравного состояния по большей части торговые сделки. Богатый мужчина если женится на бедной, то говорят, что он берет ее за красоту; то есть, проще сказать, платит деньги за ее красоту.

Зоя. Как это нехорошо покупать женщин за деньги!

Лупачев. Точно так же нехорошо и женщинам покупать красивых мужей.

Зоя. Да этого никогда не бывает, вы клевете на женщин.

Лупачев. Нет, бывает, и очень часто.

Зоя. И что же это за женщины, которые без любви выходят замуж за богатых людей? Это значит продавать себя. Это разврат. Я презираю таких женщин.

Лупачев. Погодите презирать, погодите! Во-первых, ни одна женщина не скажет вам, что она выходит замуж по расчету, а будет уверять, что любит своего жениха. И не верить ей не имеете никакого права, потому что в ее душе не были. Во-вторых, девушки часто жертвуют собой, чтоб спасти от нищенства свою семью, чтоб поддержать бедных престарелых родителей.

Зоя. Ах, да, конечно. Я поторопилась. Извините!

Лупачев. Погодите, погодите! Продавать себя богатому мужу, конечно, разврат; но и богатой женщине разбирать красоту мужскую и покупать себе за деньги мужа, самого красивого, – тоже разврат; но тут есть разница: между продающими себя часто попадаются экземпляры очень умные и с сильными характерами; тогда как те, которые бросаются на красоту, по большей части отличаются пустотою головы и сердца.

Зоя. Вы не знаете женщин, оттого так и говорите.

Лупачев. Нет, знаю лучше вас. Деньги – это дело прочное, существенное, а красота – блестящая игрушка, а на игрушки бросаются только дети.

Зоя. Зачем вы мне это говорите?

Лупачев. На всякий случай; может быть, и пригодится.

Зоя. Вы ужасны, вас слушать невозможно.

Лупачев. Как хотите, я с своими разговорами не навязываюсь.

Зоя. Но иногда и боль бывает приятна, и потому я вас слушаю.

Лупачев. Вот и ваш брак. Я не знаю, может быть, и в самом деле он был следствием обоюдной горячей любви – это вам знать; но в глазах посторонних он имел вид торговой сделки.

Зоя. Нет, уж это слишком! я вам говорю, что я люблю Аполлона, люблю и люблю безумно.

Лупачев. Безумно? Ну и прекрасно: так уж и не сетуйте, не жалуйтесь и принимайте с покорностью последствия, которые непременно следуют за всяким безумием.

Зоя. Это что еще?

Лупачев. А вот будемте продолжать разговор. Угодно?

Зоя. Хорошо... Истощайте мое терпение...

Лупачев. В браках, которые основаны на денежных расчетах, любовь пропорциональна деньгам: чем больше денег, тем больше и любви; убывают деньги, и любовь убывает; кончаются деньги, и любовь кончается, а часто и раньше, если в другом месте окажется для нее богатая практика.

Зоя. Послушайте, я на вас буду мужу жаловаться.

Лупачев. Жалуйтесь! А если ваш муж думает так же, как и я? тогда кому жаловаться?

Зоя. Во всяком случае, уж не вам.

Лупачев. Напрасно. Вы меня не обегайте, я гожусь на многое. До свидания. (*Подает руку.*) Быть хорошенькой женщиной – привилегия большая.

Зоя. Да, это по вашей денежной теории.

Лупачев. Что ж делать! Прежде была теория любви, теперь теория денег.

Зоя. Прощайте, извините! Разговор зашел так далеко, что я боюсь услышать от вас что-нибудь дерзкое.

Лупачев уходит.

Сколько раз меня расстроивал этот человек. После того разговора с ним щемит сердце, как перед бедой, уж лучше разочароваться и страдать, чем совсем не верить в людей.

Входит Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Зоя и Лотохин.

Лотохин. Не узнали?

Молчание.

Ну, задумались; так, значит, не узнали. Родственник ваш, только дальний.

Зоя. Ах, Наум Федотыч! То-то мне сразу что-то очень знакомое показалось, да боялась ошибиться. Да ведь уж сколько лет мы не видались-то!

Лотохин. Да лет шесть, коли не больше.

Зоя. Забыли вы меня, совсем забыли.

Лотохин. Вы в Москве не бываете, мне сюда не дорога – вот и не видались; а забыть, как можно! Помним. Знаем, что вы живете под крылышком у тетеньки Аполлинии Антоновны, изредка получаем от нее известия о вас... Кстати, как ее драгоценное здоровье?

Зоя. Она здорова.

Лотохин. И все так же молода душой?

Зоя. Все так же.

Лотохин. Ну, вот и прекрасно. Надо правду сказать, слухов об вас было мало; но это я считаю хорошим знаком. По пословице: нет вестей – хорошие вести. Знаем, что вы вышли замуж, слышали, что живете согласно, порадовались за вас. Да и нам полегче на душе стало, одной заботой меньше: выпустили птенца из гнездышка, пусть порхает на своей воле.

Зоя. Ах, Наум Федотыч, как он меня любит!

Лотохин. Кто он-то?

Зоя. Муж.

Лотохин. Ну, слава богу, слава богу! Что ж тут удивительного, что он вас любит! это его прямая обязанность.

Зоя. Нет, вы представьте... ах, милый Наум Федотыч, вы только представьте себе, как он меня любит, как балует...

Лотохин. Да-с, уж это обыкновенно так бывает; я очень рад-с. Вы мне сказали, ну, я так знать и буду, и распространяться об этом нечего.

Зоя. Нет, я не могу... Ах, кабы вы знали!... Ведь мне все завидуют.

Лотохин. Завидуют? Чему же-с?

Зоя. Да ведь он у меня красавец.

Лотохин. Красавец! Да-с... это дело другого рода... Виноват-с. Это обстоятельство

значительно усложняет дело, и вы уж мне позвольте предложить вам несколько вопросов.

Зоя. Сделайте одолжение! Я очень рада отвечать на все ваши вопросы; я так довольна, так счастлива!

Лотохин. Позвольте-с! Красавец! Значит, тут любовь-с безотчетная и безрасчетная.

Зоя. Да, да, страстная любовь и взаимность; одним словом, полное счастье...

Лотохин. Из всего этого позвольте мне заключить, что у него собственного состояния не было.

Зоя. Ах, да какое же мне до этого дело! Никогда я не спрашивала, есть у него состояние или нет. Того, что у нас есть, с нас довольно, и мы живем очень хорошо; а мое ли, его ли состояние, это решительно все равно. Мы муж и жена, зачем нам делить? У нас все общее.

Лотохин. Неоспоримая истина. Против этого и говорить ничего нельзя.

Зоя. Я думаю.

Лотохин. Но если у него не было состояния, так долгов не было ли? Вы не удивляйтесь, что я вас о долгах спрашиваю! У мужчин-красавцев постоянно бывают долги – это их всегдашняя принадлежность.

Зоя. Ничего этого я не знаю. Я знаю только одно, что мы любим друг друга, с меня этого довольно.

Лотохин. Конечно, довольно: чего ж еще-с!

Зоя. Как с вами легко и приятно говорить, вы во всем со мной соглашаетесь; а другие так осуждают меня за мою нерасчетливость, за мою доверчивость.

Лотохин. Как можно осуждать! Сохрани бог. Но у вас, когда вы были девицей, был большой капитал.

Зоя. Да, я знаю.

Лотохин. Где же он, как вы им распорядились?

Зоя. Он там... у него... Ведь должна же я была принести мужу приданое. Вы только подумайте, Наум Федотыч; он явился, ослепил здесь всех; все девушки и женщины стали бредить им. Ведь решительно все, даже и те, которые не имели никакого права на него, то есть разные бесприданницы. Он был нарасхват, за ним ухаживали до бесстыдства... Я его полюбила с первого взгляда; но где же мне! Это все устроила тетя; я ей обязана. Разумеется, тут помогло больше всего счастье; что я перед ним! Он мог бы взять гораздо больше приданого.

Лотохин. Но у вас еще есть отличное имение.

Зоя. Оно мне досталось после свадьбы от дяди.

Лотохин. Значит, вы живете на проценты с капитала и на доходы с имения?

Зоя. Да, конечно.

Лотохин. И вам достаточно?

Зоя. Совершенно достаточно.

Лотохин. Зачем же вы продаете имение?

Зоя. Какое имение?

Лотохин. Ваше наследственное, золотое дно.

Зоя. Это не мое дело; если он продает, значит, нужно.

Лотохин. И, должно быть, очень нужно, потому что имение продается за бесценок.

Зоя. Как за бесценок? Что это значит?

Лотохин. А вот я вам сейчас объясню. Что стоит это ваше колечко?

Зоя. Сто рублей.

Лотохин. Продайте мне его за пятьдесят.

Зоя. Зачем же его продавать за пятьдесят, когда оно стоит сто? да притом же оно мне дорого: это подарок мужа.

Лотохин. Вот и имение стоит сто тысяч, а продается за пятьдесят; да кроме того, оно должно быть вам дорого, потому что это имение дедов ваших, там они родились и умерли.

Зоя. Право, Наум Федотыч, я ничего не знаю. Вы договорите с мужем.

Лотохин. Да-с, я затем и приехал, чтобы оно не доставалось чужим; все-таки в нашем роду будет.

Зоя. Я сейчас позову мужа. *(Подходит к дверям кабинета.)* Аполлон, Аполлон!
Входит Окоемов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зоя, Лотохин и Окоемов.

Зоя *(Лотохину)* . Вот мой муж, Аполлон Евгеньич Окоемов! *(Мужу.)* Это, Аполлон, наш родственник, Наум Федотыч Лотохин; он нарочно приехал сюда, чтобы купить наше имение.

Окоемов. Ах, очень рад! очень приятно познакомиться.

Лотохин. Я давно знаю ваше имение и мог бы купить его за глаза, но я все-таки съездил его посмотреть; я вчера только оттуда. Порасстроили вы его немножко, леску убыло.

Окоемов. Разворовали, Наум Федотыч. Присмотру нет, я очень плохой хозяин; потому я его и продаю.

Лотохин. Уж это ваше дело. Чем вам с комиссионерами возиться, я у вас его куплю без всякого посредничества. Цена недорогая, как я слышал, мы кончим в два слова. Документы у вас готовы?

Окоемов. Все готово, и справки все уж собраны, остается только купчую совершить.

Лотохин. Так уж вы не хлопчите, вам не сделают так скоро, как мне; я слово знаю. Я сейчас же отсюда заеду к старшему нотариусу. Пожалуйста документы.

Окоемов. Благодарен вам, очень благодарен. Сию минуту доставлю, они у меня на столе. *(Уходит в кабинет.)*

Зоя. Вы долго здесь пробудете?

Лотохин. Да вот только устрою делишки.

Зоя. Надеюсь, вы не в последний раз у нас.

Лотохин. Конечно, куда же мне здесь деться? Я никого не знаю. Да и вы, вероятно, не откажетесь посетить меня?

Зоя. Завтра же заедем с мужем.

Входит Окоемов и подает пакет Лотохину.

Окоемов. Тут все, что нужно. Позвольте, я только возьму доверенность.

Лотохин. Да на что она вам? Мне она нужнее, я велю с нее снять копию. Я так облуплю яичко, что вам останется только в рот положить. В деньгах задержки не будет; мне купчую в руки, а вам деньги, все до одной копеечки.

Окоемов. А как вы думаете, скоро эта процедура может кончиться?

Лотохин. Дня в три, в четыре, не больше.

Зоя. Приезжайте обедать к нам. Когда вам угодно.

Лотохин. А вот кончим дело, тогда и пообедаем и спрыснем покупку. До приятного свидания. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Окоемов и Зоя.

Зоя *(с лаской)* . Как я рада, что хоть это дело так хорошо устроилось. Ты так хлопчешь, так беспокоишься, мой милый! Ездил по делам в Москву, прожил там больше месяца, без меня. Я уж не говорю про себя, я для тебя все перенести готова; но как тебе-то, я думаю, было скучно без меня.

Окоемов. Да, милая Зоя, имение мы продадим, с этой стороны я покоен; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.

Зоя. Какие же заботы, мой друг?

Окоемов. Зоя, я заранее прошу твоего извинения; я скажу тебе много неприятного для тебя и неожиданного; я во многом должен буду признаться перед тобой.

Зоя. Ах, мой друг, только будь откровенен, я заранее тебя во всем извиняю.

Окоемов. Зоя, я много должен.

Зоя. Только-то? Это еще беда небольшая. Заплатим; ну, в крайнем случае продадим все, будем жить бедно, будем работать. Я для тебя на все готова. Я умею вязать, умею вышивать, вот посмотри. *(Показывает работу.)*

Окоемов. Все это вздор! Перестань ребячиться. Наступает время, когда ты должна взглянуть на жизнь серьезно. Я попал в такие тиски, что всего твоего состояния мало, чтобы выручить меня. Потом, я не могу жить в бедности, да и ты не можешь; это пустые мечты.

Зоя. Милый, что же делать? Ну, ведь есть же какое-нибудь средство, есть же?

Окоемов. Одно.

Зоя *(дрожа)*. Какое, какое?

Окоемов. Нам нужно разойтись.

Зоя. Как «разойтись»? Что это? Я не понимаю.

Окоемов. Развод, Зоя...

Зоя. Ты шутишь, ты шутишь надо мной? Ну, скажи, милый, ты шутишь?

Окоемов. Не до шуток мне, Зоя; дело серьезное.

Зоя *(бросаясь к мужу и обнимая его)*. Нет, нет, не отдам... умру, умру, а не отдам тебя. Не мучь меня! Я умираю, у меня захватывает дыхание. Милый мой, милый мой! Нет, нет, это невозможно.

Окоемов. Успокойся, Зоя, будь благоразумнее! Никто меня не отнимает у тебя.

Зоя. Так говори, говори! Что ж это? Я ничего не понимаю.

Окоемов. Мы с тобой не расстанемся, мы только разведемся формальным образом.

Зоя *(хватаясь за голову, садится)*. Как... зачем... что же будет?

Окоемов. Слушай, Зоя: я уж разорил тебя; весь твой капитал пошел на уплату моих долгов; часть денег, которые получим за имение, пойдет туда же. Что у нас останется? Разве могу я простить себе, что довел тебя до нищеты? Я должен загладить свою вину и во что бы то ни стало возратить тебе состояние.

Зоя. Но как же это ты сделаешь?

Окоемов. Я пойду на все, даже на преступление.

Зоя. Это страшно! не говори так! Ах, прошу тебя, не говори!

Окоемов. Другие умом, оборотливостью, талантом зарабатывают себе состояние; а у меня этого нет. У меня только одно достоинство: красивая наружность, я нравлюсь женщинам; этим я и хочу воспользоваться.

Зоя. Ах, что ты говоришь! Аполлон! пожалей меня!

Окоемов. Не возражай, Зоя! То, что я говорю, дело решенное; другого выхода из моего положения нет. В Москве я случайно познакомился с одной дамой. Не ревнуй! Она старуха и безобразна до крайности. Мы часто встречались с ней у моих знакомых; она думала, что я холостой, и на старости лет влюбилась в меня до безумия.

Зоя. Ты бы сказал ей, что ты женат.

Окоемов. Разумеется, сказал; не обманывать же ее; она, конечно, опечалилась; но...

Зоя. Что «но»? Договаривай!

Окоемов. Но обещала мне полмиллиона, если я разведусь с тобой.

Зоя плачет.

Не плачь, Зоя, полмиллиона все-таки деньги! Ты для меня всем пожертвовала, должен же и я сделать что-нибудь для тебя! Она проживет недолго, прямых наследников у ней нет, все достанется мне, и тогда мы с тобой опять вместе, мы будем счастливы, богаты и уж навек неразлучны. Не плачь же, я уж тебе говорил, что это дело решенное; такой случай может не повториться; надо быть совсем сумасшедшим, чтобы не воспользоваться им. Я близок к нищете, к позору, к отчаянию, быть может к самоубийству, потому что, вместе с собой, я

погубил и тебя; я не буду знать ни дня, ни ночи покою, меня замучат угрызения совести. И в таком положении отказываться от денег, от богатства?

Зоя (*сквозь слезы*) . Ну, что ж... разведемся.

Окоемов. Я навсегда обеспечу тебя и себя.

Зоя. Я ничего от тебя не возьму.

Окоемов. Я по крайней мере возвращу тебе все, что отнял у тебя. З о я, ты меня презираешь?

Зоя. Если б я презирала тебя, я бы не стала тебя слушать и ушла от тебя. Да, ты стоишь презрения; но я к несчастью, люблю тебя и жалею; я не хочу, чтоб ты жаловался, что я помешала твоему счастью... Разведемся.

Окоемов (*целует руку жены*) . Благодарю тебя, милая Зоя. Ты героиня! Я теперь только понял, на какие жертвы способна любящая женщина. Но, Зоя...

Зоя. Что еще?

Окоемов. Ты знаешь законы о разводе?

Зоя. Слыхала...

Окоемов. Надо делать так, чтоб я мог жениться...

Зоя (*с печальной улыбкой*) . Конечно. Иначе зачем же и разводиться. Что же тебе от меня нужно?

Окоемов. Нужно, Зоя, чтоб ты была виновата.

Зоя. Как виновата, в чем?

Окоемов. Чтоб я мог уличить тебя в неверности несомненно, со свидетелями.

Зоя. Ах! ах! нет, нет! Ты забылся, Аполлон! Ты с ума сошел! Ты говоришь с честной женщиной и вспомни, кто я! Несчастный, ты забыл уважение ко мне... Чем я это заслужила! (*Плачет.*)

Окоемов. Да ты и останешься честной женщиной; ведь все будут знать, что это комедия, что это только предлог...

Зоя. Да нет, нет! невозможно! Ты не знаешь, что такое порядочная женщина. Вы все судите по себе... Вы, мужчины, все так развратны, для вас нравственного чувства не существует, вы не боитесь грязи... А порядочная женщина брезглива... Ты только представь себе: девушка, совершенно чистое существо... Она полюбила тебя, вышла за тебя замуж, чтобы любить тебя всю жизнь; любовь для нее святыня, торжество; она лелеет, бережет ее! Она знает, что с такой любовью к мужу она всю жизнь, куда бы ее ни забросила судьба, останется чиста, непогрешима, уважаема всеми... с этой любовью она неуязвима! Любовь к мужу поддерживает ее, спасает; любовь – это ее душа. И ты хочешь, чтоб я посрамила это чувство каким-то притворством, какой-то комедией! Да чем же мне жить после? что ж у меня в душе останется, для чего мне существовать, когда любовь моя к тебе будет поругана мной? Ведь у меня нет ничего; нет ума, нет знания жизни, теперь даже нет к средств, у меня только одна чистота, непорочность; зачем же я ее грязнить стану?

Окоемов. Сколько раз я говорил тебе, Зоя: смотри легче на жизнь, смотри легче; с такими правилами нельзя жить! Жизнь должна быть весела, легка, приятна; а ведь так, как ты рассуждаешь, – это уж не жизнь, а вечная трагедия.

Зоя. Нет, нет! обвиняй меня в чем хочешь, только моей любви, моей души не тронь! Ну, скажи, что я зла, ревнива, что я сумасшедшая, что я могу убить тебя, что я глупа, идиотка...

Окоемов. Да за это не разведут! Зоя, чего ты боишься? Мы так устроим, что твоей неверности никто не поверит; мы приищем тебе самого смешного любовника; ну, хоть Федора Петровича... Ну разве возможно представить, чтоб ты серьезно полюбила его...

Зоя. Нет, невозможно, это возмущает меня.

Окоемов. Зоя, спаси меня! (*Падает на колени.*)

Зоя. Нет, не могу; это выше моих сил. Придумай что-нибудь другое.

Окоемов (*встает*) . А когда так, прощай! (*Берет Зою за руку.*) Прощай, моя милая! Взгляни на меня! Ты меня видишь в последний раз. Ты меня ничем не воротишь и нигде не

найдешь. Услыхать-то обо мне ты услышишь; твое упрямство принесет плоды... Ты отнимаешь у меня больше полумиллиона; ты отнимаешь у меня возможность расплатиться с долгами, возратить то, что я похитил у тебя; ты отнимаешь у меня последнее средство примириться с совестью и сделаться порядочным, честным человеком: ты отнимаешь у меня надежду провести жизнь в довольстве, счастливо, без горя и волнений... И ты думаешь, что я могу равнодушно перенести это, не впасть в отчаяние... Ты услышишь обо мне! Для меня дорога одна: разврат, пьянство, мошенничество... Я буду воровать... да, воровать – и ты услышишь все это. Я сейчас же уезжаю и пропаду для тебя без следа. Прощайся со мной! Прощайся, Зоя, навсегда!

Зоя (почти без чувств) . Я со-глас-на! (Падает в обморок.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в гостинице, довольно прилично меблированная; две двери: одна с левой стороны, другая, в глубине, в переднюю; на стене зеркало.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лотохин входит из средней двери, за ним Акимыч.

Лотохин. Скажи в конторе, чтобы фамилию Сусанны Сергевны не писали на доске, чтобы номера, которые она заняла, отметили за мной! Да не болтай ничего! Кто будет спрашивать, говори, что, мол, дальняя родственница барина, проездом в имение, в другую губернию, всего, мол, на один день. Завтра уезжают.

Акимыч. Слушаю, барин-батюшка. Только Сусанна Сергевна, надо полагать, надолго приехали.

Лотохин. Почему же ты так думаешь?

Акимыч. Чемоданов да сундуков больно с ними много. Давеча как принялась Дуняша разбирать, так, боже ты милостивый, целую комнату завесила, каких таких платьев нет! И с кружевами, и с цветами, и с живыми птицами райскими. Одних шляпок, никак, дюжина. Как есть целый магазин. Опять же этого белья сквозного, с дырочками да с решеточками, конца нет. Одна штука с широкими рукавами, другая совсем без рукавов, и не придумаешь, на чем она держится.

Лотохин. Ну, по платью никак не узнаешь, надолго ли они едут: что на день, что на месяц, у них все одно. Платья два-три, говорит, непременно нужно взять, Да на всякий случай еще пятнадцать, вот и наберется их много. Ну, ступай же в контору и распорядись, как я тебе приказывал.

Акимыч. Слушаю, барин-батюшка. В одну минуту. *(Уходит.)*

Из левой двери выходит Сусанна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лотохин и Сусанна.

Сусанна. Ну, милый дядюшка, теперь примемся за дело. Времени терять не надо. Вот документы. Извольте поглядеть, все ли тут, что нужно.

Лотохин *(берет документы)* . А вот мы положим их пока в карман, к прочим таковым же. На это завтра время будет; утро вечера мудренее. А теперь побеседуем.

Садятся.

Надолго вы сюда пожаловали?

Сусанна. Я не знаю.

Лотохин. А зачем? Вероятно, тоже не знаешь.

Сусанна. Нет, знаю, да не скажу.

Лотохин. А я и спрашивать не стану. Ну вот, что взяла?

Сусанна. Ну, нет уж, дядюшка, прошу извинить. Перемените тон, тут шутки не у места.

Лотохин. Значит, дело серьезное?

Сусанна. Очень серьезное. Я ведь женщина решительная.

Лотохин. Ну, слава богу. Всю жизнь пустяками да тряпками занималась, а теперь серьезничать стала. Рад, очень рад.

Сусанна. Да, очень серьезное, очень серьезное дело... и даже секретное... Конечно, и поговорить, и посоветоваться я бы не прочь, а всего лучше с тобой, но только с уговором.

Лотохин. Диктуйте ваши условия.

Сусанна. Чтоб никаких возражений, ни наставлений не было: я совершеннолетняя.

Лотохин. Да с чего ты выдумала, что я буду читать тебе наставления? Нужно очень! Да живите как знаете, только меня не троньте.

Сусанна. Да, любезный дядюшка, дело серьезное, ах! очень для меня серьезное. *(Встает и подходит к зеркалу.)* А что, дядя, я могу нравиться?

Лотохин. Ах ты курочка моя! Ишь ты, выдумала! Да такая женщина может с ума свести. Ведь уж я старик, а и меня ты за живое задела. Такая ты милая, хорошая сегодня, что вот все поглядываю, с которой стороны поцеловать тебя, чтобы туалету не нарушить.

Сусанна. Ах, как это смешно! Ну что такое туалет! Чему он мешает! Родной дядя, да туалета боится. Что ж, не за версту ж тебе губы тянуть.

Лотохин *(целует Сусанну)* . Будь я помоложе, так не побоялся бы. Большую тревогу в мужском сердце ты можешь произвести.

Сусанна *(довольным тоном)* . Ах, дядя! какой вы милый!

Лотохин. Что уж! Очаровательница! хороша-то хороша, да умеешь и товар лицом показать; ну, мужчинам-то и смерть.

Сусанна *(совершенно довольная)* . Ах ты, дядя, какой! *(Грозит пальцем.)* А как ты хорошо меня понимаешь. И ведь это все ты вправду, без хитрости?

Лотохин. Да какая же мне корысть лгать-то?

Сусанна. Ну, благодарю. Да, вот с таким человеком можно говорить обо всем; ну, а уж с другим ни за что бы...

Лотохин. Ну, и поболтаем; благо время свободное.

Сусанна. Дело-то вот какое: я влюблена, милый дядюшка.

Лотохин. Ничего нет удивительного; это очень натурально.

Сусанна. Я женщина свободная и со средствами, я хочу выйти замуж за того человека, которого люблю.

Лотохин. Превосходно.

Сусанна. Я увидела его в Москве, там познакомилась с ним и полюбила. Вот тебе начало истории.

Лотохин. Пока история очень обыкновенная. Теперь, значит, дело стало за тем, чтоб узнать, что это за человек и стоит ли его любить, а тем паче выходить замуж. Потому что пословица говорит: семь раз отмеряй, а один отрежь.

Сусанна. Что это значит? Как отмерять? Я не понимаю.

Лотохин. Это очень просто. Например: ты нанимаешь повара... Для тебя что нужно? Чтоб он не оставлял тебя без обеда, чтоб не отравил тебя.

Сусанна. Да, конечно.

Лотохин. Поэтому ты собираешь о нем справки, требуешь аттестата, чтоб узнать, где он жил, у каких господ, знает ли свое дело и как вел себя.

Сусанна. Это повара, а если мужа... так как же?

Лотохин. И мужа так же. Ты стараешься узнать, в каком он был обществе, его

знакомство, интимный кружок.

Сусанна. Зачем же мне это?

Лотохин. Но если он был в обществе шулеров или червонных валетов, так ведь такой тебе не годится, чай? Как ты думаешь?

Сусанна. Ну, само собой, нечего и думать.

Лотохин. А если и из порядочного общества, так надо узнать, не должен ли.

Сусанна. Зачем? Нет, это не надо. Можно заплатить.

Лотохин. Да ведь каков долг? Другому кавалеру и вся-то цена грош, а долгу-то натошак не выговоришь. А если долгов нет, так нет ли каких обязательств.

Сусанна. Какие еще обязательства?

Лотохин. А вот какие: я, дворянин, там, или чиновник и кавалер такой-то, обязуюсь жениться на мещанке такой-то слободы, девице Милитрисе Кирбитьевне, в чем и даю сию расписку.

Сусанна. Да разве такие обязательства бывают?

Лотохин. Бывают. Одна моя знакомая недавно вышла замуж, так у мужа-то таких обязательств оказалось четыре.

Сусанна. Четыре. Как много!

Лотохин. Достаточно и одного, и то скандалу-то не оберешься.

Сусанна. Что же с этими обязательствами делать.

Лотохин. Надо по ним деньги платить.

Сусанна. Сколько?

Лотохин. А сколько мещанская девица потребует, сколько ее совесть не зазрит.

Сусанна. А если ей не заплатить?

Лотохин. Тогда молодого-то мужа потребуют в суд. Это будет спектакль любопытный, особенно для жены. Она может во всей подробности ознакомиться с любовными похождениями своего мужа. Мещанские девицы имеют привычку и на суде в речах своих сохранять прежнюю короткость с своими изменниками. И заговорит она с чувством: «Сердечный ты друг мой, кабы я прежде-то знала, что ты такой мошенник, не стала бы я с тобой и вязаться».

Сусанна. Так и скажет?

Лотохин. Так и скажет. У мещанских девиц такое правило: «Коли уж денег не возьму, так осрамлю по крайности». И надо правду сказать, что срамить они мастерицы и довели это искусство до высокой виртуозности.

Сусанна. Ха, ха, ха. Как это смешно! Но успокойся, любезный дядюшка! Со мной ничего этого не будет, мой жених не Дон-Жуан, он сам несчастная жертва. Когда он был очень молод, доверчив, его женили чуть не насильно на девушке безобразной, злой, развратной, и притом же много старше его. Вся жизнь его есть непрерывное страдание, пытка.

Лотохин. Так он женат?

Сусанна. Ну, так что же?

Лотохин. Ты сумасшедшая! Нет, Сусанна Сергевна, я за доктором пошлю.

Сусанна. Оставьте, пожалуйста! Нисколько я не сумасшедшая. Он терпел, терпел, наконец хочет развестись с женой. На это нужны деньги, а он беден, вот почему я и хочу заложить свое имение. Говорят, это очень дорого стоит.

Лотохин. А если он возьмет деньги-то, а с женой-то не разведется? После и ищи его с деньгами-то!

Сусанна. Ах, ах, что ты говоришь! Да я ему верю больше себя. Я готова ему все отдать.

Лотохин (*всплеснув руками*). О! Боже мой! Что ты делаешь!

Сусанна. Да погоди охать-то, я еще не отдала ничего. Знаешь ли, дядя, у меня какой-то странный характер. Я иногда так расчувствуюсь, что готова все отдать, а как придется вынимать деньги, так мне и жалко. У нас в роду была одна такая бабушка, так я, должно

быть, в нее.

Лотохин. Эта черта в тебе хорошая. А зачем же мужей-то с женами разводить? Чего только эти женщины не выдумают.

Сусанна. Ах, какой ты, дядя, смешной! Да непременно развод. Я больше имею прав на него, чем его жена.

Лотохин. Каких это? Что ты говоришь?

Сусанна. Да конечно. Я люблю его, а она – нет; я богаче... Коли у нее нет состояния, какое же она имеет право на такого мужа? Наконец, он страдает, я хочу его освободить; это доброе дело. Все это на суде должны принять во внимание.

Лотохин. Ну да, как же, непременно.

Сусанна. Мы обязаны делать добрые дела, жить только для себя – нехорошо; надо помогать и ближнему. Ведь это человек кроткий, нежный, с младенческой душой. Кабы ты послушал, как он рассказывает о своих страданиях! Я плакала, плакала. Он хорош, умен, образован и в таком несчастном, жалком положении. Ах, как я плакала! Ну, наконец, я не утерпела и приехала.

Лотохин. Зачем ?

Сусанна. Я соскучилась.

Лотохин. По ком?

Сусанна. Да не по тебе же, дядя; конечно, по нем.

Лотохин. Да разве он здесь?

Сусанна. Да я уж, кажется, говорила тебе... Он здешний помещик, Аполлон Евгеньич Окоемов.

Лотохин (*пораженный*) . Окоемов!

Сусанна. Разве ты его знаешь?

Лотохин. Да... немного я слышал о нем.

Сусанна. Что же ты слышал? Скажи!

Лотохин. Я скажу тебе после; я соберу еще некоторые справки.

Сусанна. Кто-то пришел к тебе; я пойду в свой номер. Мне еще работы много, надо гардероб разобрать.

Лотохин. Пойдем, я тебя провожу.

Сусанна и Лотохин уходят в дверь налево. Из средней двери выходят Сосипатра, Пьер и Акимыч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сосипатра, Пьер и Акимыч.

Акимыч. Сейчас были здесь... Должно быть, вышли в соседней номер; тут у них родственница, проездом в имение, остановились до завтра. Извольте обождать минутку.

Сосипатра. Хорошо, мы подождем. Доложи поди.

Акимыч. Слушаю-с. (*Уходит в среднюю дверь.*)

Пьер. Какой Олешунин смешной.

Сосипатра. Это не новость, мой друг! Найди что-нибудь поинтереснее.

Пьер. Я вам самую свежую новость хочу рассказать. Мы сегодня завтракали вместе с Олешуниным, он хвастался какой-то новой победой, говорил, что получил *billet-doux*.

Сосипатра. От горничной, вероятно.

Пьер. Так и сияет от радости.

Сосипатра. А вам с Жоржем завидно? Пусть его блаженствует, ему это в диковинку.

Пьер. Да правда ли, не сочиняет ли он?

Сосипатра. Коли есть что, так он не утаит, он по всему городу разблаговестит. Он, можно сказать, из одной чести бьется; ему не любовь нужна, а чтоб все знали, что его любят. Посмотри, как он голову-то подымет.

Пьер. Да он и теперь уж поднял и на нас смотрит с глубоким презрением.

Входит Акимыч.

Акимыч. Сейчас будут. Извиняются. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Сосипатра. Поди, Пьер, подожди меня в общем зале.

Пьер. Здесь Жорж, он на бильярде играет, мы обед заказали.

Сосипатра. И прекрасно. Я одна домой доеду.

Пьер кланяется и уходит. Из левой двери входит Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сосипатра, Лотохин, потом Акимыч.

Лотохин. Извините! Все с женщинами, служба моя тяжелая. *(Подает руку Сосипатре.)* Очень рад вас видеть; благодарю, что осчастливили. Бумаги ваши, отчеты и письма управляющих я разобрал. Надо их обоих сменить, вот и все. Я вам пришлю из Москвы, у меня есть на примете два человека. Дела ваши в отличном положении, только не обращайтесь внимания на пустяки, а смотрите на существенное. Впрочем, это уж обыкновенный, неизбежный недостаток женского хозяйства. Мало вывелось кохинхинских цыплят, и вы ужасно разгневались; мечете громы и молнии, грозите всех погнать, а недочет более двухсот четвертей пшеницы вы проглядели и оставили без замечания, и тем поощрили управляющих к дальнейшему воровству. Впрочем, вы можете быть спокойны, ваши имения в хорошем положении. Поменьше гнева и поменьше доверия, и побольше...

Сосипатра. Рассудку, вы хотите сказать? Да мало ли что, где ж его взять. Я вам искренно благодарна и готова, с своей стороны, служить чем могу.

Лотохин. Благодарить меня не за что, а вот одолжить меня вы можете очень.

Сосипатра. С удовольствием одолжу вас всем, чем могу.

Лотохин. Скажите мне откровенно, что за человек Окоемов.

Сосипатра. Извольте. Я его знаю давно и могу вам сообщить об нем многое. Я его знавала хорошеньким мальчиком с ограниченным состоянием; он учился плохо, но в обществе его любили и баловали. Он не кончил нигде курса и рано попал в дурное общество. К сожалению, я должна сказать, что это дурное общество есть общество моего брата. Вы видели это пошлое трактирное общество, для которого ни дома, ни семьи не существует. Я живу с братом для того, чтоб наш дом имел хоть сколько-нибудь приличный вид. Я уж давно хотела бросить брата, но рассудила, что я старая вдова, ко мне ничего не пристанет, а если я брошу дом, так они будут верхом по комнатам ездить. Вы видели некоторых из наших, вот хоть Пьера и Жоржа. Что это такое? Это недоучившиеся шалопаи, похожие один на другого как две капли воды. Они уж были развратны, прежде чем узнали жизнь, они уж наделали долгов, прежде чем выучились считать деньги. И теперь ждут только богатых дур, чтобы поправить свои обстоятельства и заполучить деньги для дальнейших кутежей. Но какова будет жизнь их бедных жен? Таков же и Окоемов. Он по душе недурной человек, но приобрел трактирные привычки и легкий, почти презрительный взгляд на женщину и ее душу. Ваша родственница, Зоя, влюбилась в него и вышла за него замуж, чему главным образом способствовала ее тетка, помешанная на мужской красоте. Я их предостерегала, но они вообразили, что я завидую счастью Зои.

Лотохин. Согласно ли они живут?

Сосипатра. До сих пор хорошо; хотя он с самого начала к ней холоден, а она от него без ума. Вот вам пример: у меня есть знакомая девушка, безобразная собой, но очень богатая; он несколько раз выражал мне свое сожаление, что рано связал себя и лишился возможности жениться на этом уроде. Так что, будь только маленькая возможность, он, не задумываясь, бросил бы жену и стал бы ухаживать за этой девицей.

Лотохин. А если б представилась возможность развестись с женой?

Сосипатра. Он бы не задумался ни на минуту.

Лотохин. Он много проживает?

Сосипатра. Теперь нет. Здесь он не мотает; разве где в другом месте. Он часто уезжает.

Лотохин. Долги у него есть?

Сосипатра. Прежде – были; когда женился на Зое, так все заплатил; он тогда много заплатил. А теперь едва ли есть долги, потому что у него нет никакого кредита.

Лотохин. Зачем же он продает за бесценок имение, ведь он Зою-то по миру пустит. Им будет нечем жить.

Сосипатра. Я этого не слыхала. Ну, значит, опять душу продал. То-то он часто ездил в Москву; вероятно, хотел блеснуть, кутил там, играл...

Лотохин. Позвольте, позвольте! Как «душу продал»? Разве у вас люди свои души продают?

Сосипатра. Продают... Это вот как делается: есть особые специалисты-ростовщики, у которых наша беспутная молодежь занимает деньги за огромные проценты в ожидании наследства или выгодной женитьбы. Эти специалисты зорко следят за молодыми людьми и когда видят, что чьи-нибудь фонды начинают падать, то уж не довольствуются простыми векселями, а заставляют их давать подложные документы, то есть делать фальшивые бланки или поручительства от своих родных.

Лотохин. Так вот что значит душу продавать!

Сосипатра. Тогда уж должник в их руках. Они, постоянно пугая их судом, обирают совершенно, а если уж нечего взять, то предъявляют такие документы родственникам. Те поневоле платят, чтоб избавить фамилию от бесчестия и не погубить молодого человека. С Окоемовым, когда он был холостой, уж подобная история была один раз. Скрыга дядя заплатил за него тысяч пять; но поклялся, что уж в другой раз он племянника не пожалеет и обратится к прокурору. Вероятно, опять такая же штука. Деньги женины прожил, кредита нет; вот он, в ожидании наследства, и рискнул.

Лотохин. Как бы мне разузнать это дело и распутать? Помогите!

Сосипатра. Извольте, с удовольствием. Он, вероятно, должен тому же ростовщику, которому был должен прежде. Я его знаю. Эти господа сколько жадны, столько же и трусливы. Надо приехать к нему с кем-нибудь из лиц судебных или административных, так только, чтобы попугать его! «И тебя, мол, милый друг, привлекут к ответственности за подстрекательство». Тогда можно будет выкупить векселя довольно выгодно; то есть не придется заплатить вдвое или втрое. Сумма, вероятно, не очень большая, ему много не поверят. Вы это дело можете завтра обделать. Я вас сегодня же познакомлю с молодым прокурором; человек ловкий и обязательный.

Лотохин (*жмет ей руку*). Благодарю вас, благодарю! У меня есть еще просьба до вас.

Сосипатра. Хоть десять. Рада служить; услуга за услугу.

Лотохин. Ко мне тут приехала племянница из Москвы, вдова богатая.

Сосипатра. Так ей нужно женское общество, что ли?

Лотохин. Нет-с. Вот видите ли, она женщина хорошая и добрая; только немножко...

Сосипатра. Сумасшедшая?

Лотохин. Этого нельзя сказать-с; а уж очень увлекается, доверчива...

Сосипатра. Знаю, знаю, видала много таких.

Лотохин. Так вот-с, Окоемов в Москве очень разжалобил ее, даже до слез-с.

Сосипатра. Чем же?

Лотохин. А тем, что он очень несчастлив; что жена у него и безобразна, и зла, и развратна...

Сосипатра (*с удивлением*). Скажите пожалуйста!

Лотохин. Ну, моя птичка и расчувствовалась, и дает ему много денег для развода с женой.

Сосипатра. Что такое! Что вы говорите! Это ужасно!

Лотохин. Именье хочет закладывать.

Сосипатра. Богата она?

Лотохин. Очень богата.

Сосипатра. Вот беда! Как тут быть? Я положительно теряюсь. Уж коли она решилась, так не уговоришь.

Лотохин. И слушать не станет.

Сосипатра. А все-таки надо с ней познакомиться.

Лотохин. Я вас сейчас познакомлю.

Сосипатра. Постойте, погодите. *(Задумывается.)* Я кой-что придумала. Позовите вашего человека.

Лотохин *(растворяет дверь в переднюю)* .

Акимыч, сидя на стуле, спит.

Акимыч!

Акимыч *(впросонье)* . Ась?

Лотохин. Проснись, проснись!

Акимыч. Асинька, милый?

Лотохин. Проснись, барин зовет!

Акимыч *(встает)* . Виноват, барин-батюшка. *(Входит в комнату.)* Что угодно?

Сосипатра. Посмотри в столовой или в бильярдной, здесь ли тот барин, который входил сюда со мной! Если здесь, так приведи его.

Акимыч. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Сосипатра. Что, она общительная, милая женщина?

Лотохин. Это такая душа... просто прелесть! Канарейка, а не женщина.

Сосипатра. Тем лучше.

Лотохин. Вот только...

Сосипатра. Ну, что ж делать! Совершенства нет на свете.

Входит Пьер.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лотохин, Сосипатра и Пьер.

Пьер *(раскланявшись с Лотохиным, Сосипатре)* . К вашим услугам. Что прикажете?

Сосипатра. Я давеча забыла тебе сказать... Сегодня вечером придет Оболдуева.

Пьер. С отцом?

Сосипатра. Нет, одна; она теперь совершенно свободна, отец разбит параличом и уж давно без языка и движения.

Пьер. Вот это новость. Это известие произведет сенсацию.

Сосипатра. Только, пожалуйста, никому не говори, знай про себя.

Пьер. О! Будьте уверены.

Сосипатра. Ну, больше ничего. Прощай!

Пьер. Честь имею кланяться. *(Подает руку Лотохину и уходит.)*

Лотохин. Что это за новость вы ему сообщили и для чего?

Сосипатра. Это уж мое стратегическое соображение.

Лотохин. Зачем же вы просили его никому не сказывать?

Сосипатра. Затем, чтоб он сейчас же рассказал всему городу. Ну, теперь пойдете знакомиться с вашей племянницей.

Лотохин *(стучит в дверь налево)* . Сусанна, можно войти? Я с гостьей.

Сусанна *(за сценой)* : «Милости просим»

Сосипатра. Ну, начинается война, война с красавцами. Враг силен, но и мы постоим за себя.

Лотохин. Еще бы. С таким союзником, как вы, я на целую армию красавцев пойду. *(Уходит в дверь налево.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гостиная, с левой стороны (от актеров) окно, далее дверь в залу. С правой – дверь в спальню Зои. Ближе к зрителям – камин с экраном, большие щипцы для угля и прочие каминные принадлежности; недалеко от камина небольшой диванчик; мебель мягкая.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из левой двери выходят Окоемов и Лупачев.

Лупачев. Да, это известие дает совсем другой оборот делу. Тут уж не сотни тысяч, а миллионы,

Окоемов. Попробуем.

Лупачев. Оболдуева и прежде была к тебе равнодушна, да отец мешал; а теперь, вероятно, для тебя и приезжает.

Окоемов. А вот посмотрим. Не бойся, уж не пропустим, что само в руки плывет.

Лупачев. С моей стороны рассчитывай на всякое содействие.

Окоемов. Только бы Сосипатра Семеновна не помешала.

Лупачев. И ее как-нибудь уломаем.

Окоемов. Тогда успех верный.

Лупачев. А уж московскую барыню за штатом оставишь?

Окоемов. Она и подождет. Что ж делать. Я не виноват, коли богаче ее нашлась. Я бы рад радостью, да расчету нет. Коли тут не удастся, так и за нее примусь; она от меня не уйдет. *(Смотрит в окно.)*

Лупачев. Что ты смотришь?

Окоемов. Да не идет ли наш Дон-Жуан.

Лупачев. Послушай! Ты решился на окончательный разрыв с женой?

Окоемов. Ты знаешь мои дела. Если я и продам имение и как-нибудь расплачусь с долгом, чем же я буду жить потом? Не по миру же мне идти? Если б не это, разумеется, я бы не расстался с Зоей. Я не очень чувствительный человек и порядочно-таки испорчен, а мне ее очень жаль.

Лупачев. С такой сентиментальностью ты ничего не добьешься путного. Чтоб успевать в жизни, надо быть решительным. Задумал, решил и отрезал без всяких колебаний. Только так и можно достичь чего-нибудь. Только так и наживаются миллионы. Ты должен совсем оттолкнуть от себя жену, показать ей презрение, унижить ее.

Окоемов. Да для чего же это?

Лупачев. Для того, чтобы она поняла, что она опозорена, без средств, что ты для нее потерял навсегда.

Окоемов. И чтоб утопилась?

Лупачев. О нет! До этого не дойдет. Как они мужей ни любят, а любовь к жизни в них сильнее.

Окоемов. Ну, так для того, чтоб она к тебе бросилась?

Лупачев. Ну, уж это как она знает. Если она не глупа, так будет счастлива, и тебе жалеть ее будет нечего.

Окоемов. Признайся! Ты ее любишь?

Лупачев. Это до тебя не касается.

Окоемов. Ты за нее сватался, и тебе отказали?

Лупачев. Положим, что и так; что ж из этого?

Окоемов. Да ведь я ее ограбил, и я же ее отталкиваю; ведь я не разбойник. Нужно же мне успокоиться хоть на том, что она не останется без поддержки, не будет в крайней нищете. *(Хватает себя за голову.)* Впрочем, что ж я! Когда я разбогатею, я ей возвращу все,

что отнял у нее.

Лупачев. Да, если позволят тебе безотчетно распоряжаться деньгами. А если будет строгий контроль?

Окоемов. Ах, ведь вот меня счастье, богатство ожидает, а все-таки мне невыносимо скверно... Так скверно, что... кажется...

Лупачев. Ну, философия началась. Пойдем в кабинет, там Пьер и Жорж; нас четверо, сядем играть в винт и развлечемся.

Окоемов. погоди! *(У двери.)* Паша!

Входит Паша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Окоемов, Лупачев и Паша.

Окоемов. Паша! Не принимать никого.

Паша. Слушаю-с...

Окоемов. Принять только Федора Петровича, если он придет.

Паша. Они придут-с. Они каждый день ходят.

Окоемов. Так ты ему скажи, что меня дома нет, а дома только барыня, что я уехал на охоту с Никандром Семенычем и не ворочусь до завтра. Так и людям скажи. А мы сядем играть в карты и запремся, чтоб нам не мешали.

Паша. Слушаю-с *(Уходит.)*

Окоемов *(взглянув в окно)* . А вот и Олешунин. Легок на помине. Кажется, я не ошибся. *(Прислушивается.)* Нет... Вот уж он в передней... разговаривает с Пашей. Идем!

Окоемов и Лупачев уходят в кабинет. Входят Олешунин и Паша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Олешунин и Паша.

Олешунин. Доложите барыне.

Паша. Сейчас доложу-с. *(Уходит.)*

Олешунин. Наконец! *(Смотрит в зеркало и поправляется)* Впрочем, что же наружность? Это вздор. *(Рассматривает волосы.)* Конечно, при всей моей скромности я не могу себе отказать во многих достоинствах... ну, там... ум и прочее... но любопытно, что собственно во мне ей понравилось?

Входит Зоя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Олешунин и Зоя.

Зоя *(потупляясь и шепотом)* . Вы получили мое письмо?

Олешунин *(целуя руку Зои, шутливо)* . А разве вы писали? *(Серьезно.)* Нет, я шучу. Получил.

Зоя *(потупясь)* . Мне совестно вам в глаза смотреть.

Олешунин. Нет, что же... я этого ожидал... Рано или поздно это должно было случиться.

Зоя. Но все-таки... как хотите... я замужня женщина... я не должна была открывать своих чувств.

Олешунин *(с важностью)* . Отчего же? Конечно, ваше письмо в руках какого-нибудь фата... это другое дело... А я серьезный человек.

Зоя. Вы не удивились... садитесь, пожалуйста. *(Садится на кресло.)*

Олешунин. Помилуйте! Чему же удивляться? *(Очень свободно садится на диван.)* Я себе цену знаю, Зоя Васильевна. Ведь где же этим господам Пьерам и Жоржам понять меня! Оттого они и позволяют себе разные глупые шутки. Но я на них не претендую; они слишком мелки. Вот теперь посмотрели бы они на меня!

Зоя. Ах, что вы говорите! Вы подумайте! Ведь у меня муж... Наша любовь требует тайны.

Олешунин. Да, тайны, тайны. Помилуйте, разве я не понимаю... Только ведь обидно... Я в секрете, в самом глубоком секрете буду таить... Но за что же такие шутки, когда... вот меня любят... Ведь вы меня любите?

Зоя. Какой вы холодный человек!

Олешунин. Кто холодный? Я? Нет, извините... я вас люблю... я даже очень, очень люблю...

Молча и сконфуженно смотрят друг на друга.

Зоя *(шепотом)* . Федя!

Олешунин *(растерявшись)* . А? Что? Федя... да... *(Стараясь быть развязным.)* Нет, вот что, Зоя... Если б теперь вдруг... луна и там... вдали пруд... *(С пафосом.)* Какое блаженство!

Зоя. Да зачем нам луна? Нет, ты лед, ты лед! *(Встает с кресла и бросается на шею Олешунину.)* Федя, я люблю тебя, люблю...

Олешунин. И я, Зоя, и я... Зоя, ручку!... Нет, знаешь, Зоя, все-таки любовь... в волшебной обстановке. Это прелесть... Знаешь... когда вся природа ликует...

Зоя *(обнимая Олешунину)* . Федя, Федя!

Входят Окоемов, Лупачев, Пьер и Жорж.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Олешунин, Зоя, Окоемов, Лупачев, Пьер и Жорж.

Зоя *(прижимаясь к Олешунину)* . Ах, Федя, спаси меня! Он меня убьет! *(Прячется на диване за Олешунину.)*

Олешунин *(растерявшись)* . Что это? Как? Но позвольте... *(Встает с дивана)*

Зоя тихо уходит в дверь направо.

Окоемов. Ну, что тут за разговоры! *(Обращаясь к Лупачеву, Пьеру и Жоржу.)* Вот, господа, вы видели. Кажется, этого для вас довольно, чтоб составить понятие о верности моей супруги.

Лупачев. Чего ж еще!

Пьер и Жорж утвердительно кланяются.

Окоемов. Господа, теперь вы, несколько не греша против совести, можете показать даже под присягой, что поведение моей жены не безукоризненно.

Лупачев. Нет, этого мало. Я смело скажу, что оно преступно. *(Пьеру и Жоржу.)* Согласны, господа?

Пьер. Совершенно согласен.

Жорж. Без всяких сомнений.

Окоемов. Благодарю! Господа! Я пригласил вас... я хотел весело провести время с друзьями, но случай натолкнул нас на эту печальную сцену; я не думаю, чтобы дальнейшее присутствие в этом бесславном доме было для вас приятно. Я и сам бы бежал из дому, но я, к несчастью, одно из действующих лиц этой семейной драмы; я должен буду выслушивать разные объяснения, я обязан выпить чашу до дна. Господа! оставьте меня наедине с моим позором.

Лупачев *(подавая руку Окоемову)* . Прощай, бедный друг мой! *(Уходит.)*

Пьер и Жорж подают руки, раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Окоемов и Олешунин.

Олешунин. Милостивый государь! тут одно недоразумение; хотя жена ваша действительно предпочитает меня другим, но в этом ничего преступного нет.

Окоемов (*холодно*) . Я знаю.

Олешунин. И все-таки, если вам угодно, я готов дать вам удовлетворение.

Окоемов. Какое тут еще удовлетворение! Ничего этого не нужно. Напротив, я вам очень благодарен.

Олешунин. Но это дело не может кончиться иначе, как дуэлью.

Окоемов. Что за дуэль! Вот еще! Охота мне свой лоб под пулю подставлять.

Олешунин. А! так вы трус? Нет, я требую, непременно требую.

Окоемов. Никакой дуэли не будет, зачем? А вот со мной револьвер, не хотите ли, я лучше вас так убью? Это мне ничего не стоит. И меня оправдают. Знаете, что адвокат будет говорить?

Олешунин. Оставьте шуточки! Я их не люблю.

Окоемов. Нет, оно интересно. Адвокат скажет: горячий, благородный человек застаёт в доме обольстителя и в благородном негодовании, в горячке, в исступлении убивает его. Можно ли обвинить его? Он действовал в состоянии невменяемости! Ну, что ж вы молчите? Вам не угодно, чтоб я убил вас? Так уходите! Вызывать на дуэль могу я! Но я вас не вызываю, а благодарю.

Олешунин. Какая благодарность? За что?

Окоемов. Вот видите ли: нам нужно было разойтись, это уж наши расчеты, Я долго искал человека, который бы был так легкомыслен...

Олешунин (*грозя пальцем*) . Ссс! Без оскорблений!

Окоемов. Я не говорю ничего оскорбительного; я говорю только: «легкомыслен». Но как же назвать того человека, который поверит, что Зоя может прельститься им, имея такого мужа, как я. Вот нашлись вы, и я вам очень благодарен.

Олешунин. Ну, так нет-с! Не благодарности. Я крови хочу, крови нужно мне вашей, я завтра же пришлю к вам моих секундантов.

Окоемов. Милости просим! Я прогоню их, как вас.

Олешунин. Я не позволю играть над собой. (*поступает на Окоемова, тот хладнокровно вынимает из кармана карманный пистолет. Олешунин отступает и идет к двери.*)

Окоемов (*ласково*) . Прощайте! (*Подойдя к двери.*) Эй! Кто там! Проводите господина Олешунина.

Входит Зоя.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Окоемов и Зоя.

Зоя. Ах, кабы ты мог чувствовать, Аполлон, какая это пытка. Ну, что, мой милый, хорошо я сыграла свою роль?

Окоемов (*сухо*) . Да, так хорошо, что можно усомниться, роль ты играла или действительно любишь Олешунина.

Зоя. Значит, хорошо?

Окоемов. Не мешало бы и хуже; никто тебя не заставлял быть очень натуральной.

Зоя. Ты ревнуешь, мой милый. Как я рада. Значит, ты меня любишь.

Окоемов. погоди радоваться. Ты не забывай, что ты говоришь с мужем, который

сейчас только видел тебя в объятиях чужого человека.

Зоя. Да, несчастный... Аполлон, Аполлон... что ты... Ведь ты сам меня заставил, ты меня упрашивал.

Окоемов. То-то вот, что ты уж очень скоро меня послушалась. Это-то и подозрительно.

Зоя. Ты и умолял, и грозил... Ты знаешь, с каким я отвращением...

Окоемов. С отвращением ли? Кто ж это знает? Женщине, которая так ловко умеет обниматься с посторонними мужчинами, как-то плохо верится.

Зоя. Зачем ты так говоришь? *(В изнеможении опускается на диван.)* Зачем, Аполлон, зачем, зачем?

Окоемов. А затем, чтобы ты поняла наконец, что ты вся в моих руках: что я захочу, то с тобой и сделаю. Пора перестать сентиментальничать-то.

Зоя. Я ничего не понимаю.

Окоемов. Что ты такое? Женщина без состояния, опозоренная, сегодня же весь город узнает о нашем позоре, и мне оттолкнуть тебя с презрением даже выгодно. И я это непременно сделаю, если ты вздумаешь мешать мне.

Зоя *(с трепетом)*. Аполлон, Аполлон! Я боюсь... Мне страшно... ты совсем не тот... ты другой человек.

Окоемов. Тот же или другой – это все равно; люди меняются с обстоятельствами. Нужда всему научит. Кто меня осудит, если я брошу и совсем забуду тебя? Ты будешь жаловаться, плакать, уверять, что я обманул тебя? Кто ж поверит тебе?

Зоя. Ты убиваешь меня! Перестань, перестань! Заговори со мной по-прежнему, с прежней лаской... Ведь мне страшно, мне кажется, что я теряю... хороню тебя! Ах, ах... Ну, улыбнись мне, мой милый! Пожалей меня, ведь я женщина... где же силы, где же силы, друг мой...

Окоемов. Оставь нежности! Не до них... Ты меня раз послушалась, и уж теперь ты в таком положении, что должна слепо повиноваться мне; иначе ты погибнешь.

Зоя. Да я тебя слушаюсь. Приказывай. *(Опускается с дивана на колени и складывает руки.)* Я раба твоя.

Окоемов. Ах! Пожалуйста, без глупостей... Сядь!

Зоя садится на диван в немом отчаянии.

Прежде всего помни, что мы теперь чужие... Зоя слабо вскрикивает. Примирение возможно... мы еще можем быть друзьями, но только с одним условием.

Зоя. Говори, говори! Я вперед на все согласна.

Окоемов. Я требую от тебя, чтоб ты бросила все эти нежности и сентиментальности и поступила благоразумно.

Зоя. Благоразумно? Женщине с чувством это трудно, но изволь, я буду принуждать себя.

Окоемов. Потом, надо бросить все эти предрассудки, там долги разные, приличия и обязанности, которыми вы себя опутываете, как цепями. Живи, Зоя, как живут люди деловые, практические; они не очень-то разборчивы на средства, когда добиваются чего-нибудь большого, существенного.

Зоя. Говори, милый, яснее! Я тебя слушаю со всем вниманием.

Окоемов. Тебе есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой. Глядя на тебя, я бы радовался... Моя совесть была бы спокойнее, потому что причина всего твоего горя – я!

Зоя слушает с напряженным вниманием.

А тут я видел бы тебя опять богатой, любимой. Отчего тебе не сойтись с Лупачевым, он так тебя любит? Полюби и ты его!

Зоя *(вскрикивает)*. Ах! *(Хватает щипцы от камина и бросается на мужа.)*

Окоемов. Что ты, что ты!

Зоя. Ах, извини! *(Щипцы падают из рук ее.)* Ты меня заставил притворяться...

Притворяться я могу... но быть бесчестной, нет... как ты смел... как ты смел!...

Окоемов. Зоя, Зоя, успокойся, тише!

Зоя. Нет, я не могу, я не могу, ты тут... *(показывая на грудь)* разорвал все... Мне надо прийти в себя... надо одуматься... после... *(Идет к двери.)*

Окоемов. Зоя, Зоя, выслушай!

Зоя *(у двери)* . Нет, нет, я пойду... Прощай! Что я говорю... Нет, я подумаю...

Окоемов *(идет за ней)* . Зоя, ну, извини! Я грубо выразился!

Зоя. Прощай! То есть я пойду, подумаю... Не ходи за мной... *(Оборачивается, берет Окоемова одной рукой за лицо, пристально смотрит на него. Покачав головой.)* Красавец! *(Уходит в дверь направо.)*

Окоемов делает несколько шагов к двери.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Небольшая, но изящно убранная и меблированная гостиная; посередине закрытая богатой портьерой дверь в другую гостиную; направо (от актеров) дверь во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лупачев и Сосипатра выходят из средней двери.

Лупачев. Послушай, сестра! что за дама приехала к тебе вчера поздно вечером?

Сосипатра. Что тебе за интерес знать, кто эта дама? Мало ли их, проездом в деревню, останавливаются у меня.

Лупачев. Она долго пробудет у тебя?

Сосипатра. Да тебе-то что? Она сегодня же уезжает в имение. Я не захотела, чтоб она стояла в гостинице, и перевезла ее к себе.

Лупачев. Кто ж она такая? Не секрет, я думаю.

Сосипатра. Не секрет, да не хочет она, чтоб знали о ее приезде. Не хочет, чтоб ей надоедали визитами.

Лупачев. Да не Оболдуева?

Сосипатра. Ах, отстань, пожалуйста! Ну, хоть и Оболдуева, тебе-то что за дело?

Лупачев. А в таком случае у меня к тебе будет просьба.

Сосипатра. Какая еще?

Лупачев. И ты должна будешь ее исполнить, потому что это первая и последняя; никогда я к тебе ни с какими просьбами не обращался и не обращусь.

Сосипатра. Да говори, что такое!

Лупачев. Если Оболдуева здесь или будет здесь, познакомь с ней Окоемова и доставь ему случай видеться с ней tete-a-tete!

Сосипатра. Зачем это она ему?

Лупачев. А кто ж его знает. Значит, надо. Чужая душа потемки.

Сосипатра. Уж именно потемки. Да у всех-то у вас души темненькие.

Лупачев. Ну, я к тебе не за моралью пришел. Так уж пожалуйста! Я тебя прошу. Ты и мне сделаешь большое, очень большое одолжение.

Сосипатра. Тебе-то что нужно? Тоже потемки?

Лупачев. Это зависит от взгляда: по-вашему – потемки, а по-нашему – ясный день. Так, пожалуйста, Сосипатра. *(Идет к двери.)*

Сосипатра. Хорошо! *(Идет за ним. Лупачев уходит. Сосипатра, открыв портьеру, видит Лотохина.)* Пожалуйста сюда, Наум Федотыч!

Входит Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сосипатра и Лотохин.

Сосипатра. Салон у меня – там (*указывает в гостиную*), а эта комната для друзей, для интимных и деловых бесед.

Лотохин. Какие дела-то, Сосипатра Семеновна!

Сосипатра. Ах, и не говорите! Я давно знаю этих господ, а такого поступка от них не ожидала. Ведь это злодейство! Я наплакалась на Зою. Мне было обидно вообще за женщину: нельзя же так ругаться над чистой привязанностью, над женским сердцем, над нашим добрым именем! (*Плачет.*) Я сразу догадалась, что главным двигателем тут мой братец любезный. Окоемов действует по его указаниям. Зоя всегда нравилась брату; он зубами скрипел, когда она вышла за Окомова.

Лотохин. Нет, уж не защищайте и Окомова.

Сосипатра. Ему оправдания нет. Если б его присудили в Сибирь, я бы не очень пожалела. Я говорю только, что Окоемов по натуре не зол, он еще не безнадежно испорчен, он только пустой человек: с хорошими людьми и он будет недурен, а с дурными будет негодяй. Бедная Зоя совсем без приюта. Вчера на нее было страшно смотреть; а сегодня немного успокоилась.

Лотохин. Да, я знаю, она у меня была; для обеспечения ее материального положения нужны были некоторые формальности, нужна была ее подпись под бумагами. При такой нежной душе она имеет довольно сильный характер.

Сосипатра. Да, характер у нее есть.

Лотохин. Она у вас?

Сосипатра. У меня: сидит в спальне и не выходит. Хороша ее тетенька, Аполлинария Антоновна! Не могла дать угла племяннице; видите ли, у нее какие-то семейные обстоятельства.

Лотохин. Да жалеть-то много не о чем. Она сама не влюблена ли в кого на старости лет?

Сосипатра. Кажется; похоже на то.

Лотохин. А что моя Сусанна Сергевна?

Сосипатра. Я ее вчера перевезла к себе.

Лотохин. Не скучает она?

Сосипатра. Да ей некогда еще скучать-то: вчера целый вечер проболтали; а нынче встали поздно, да на туалет она употребляет часа три – вот и все время. Я успела уж с ней подружиться: такая милая! Она несколько раз заговаривала об Окоемове, но я уклонялась от разговора: я уверяла ее, что его нет в городе, что он в деревне или на охоте и что его ждут сегодня вечером или завтра. Мне нужно только выиграть время.

Лотохин. На что же вы надеетесь?

Сосипатра. Я распустила слух, что с часу на час жду миллионщицу-невесту, Оболдуеву; до Окомова уж дошло, и он засылал ко мне, чтоб я ему доставила случай познакомиться с ней и поговорить наедине. Он ее никогда не видал, а уж что-то задумывает. Теперь пусть Сусанна Сергевна с ним увидится; он, в ожидании миллионов, обдаст ее таким холодом, что она совсем разочаруется.

Лотохин. Тщетные надежды. Окоемов не дурак, он знает, что лучше синицу в руки, чем журавля в небе.

Сосипатра. У меня другого средства не было; утопающий хватается за соломинку. Может быть, и еще что-нибудь придумаем. А как ваши дела?

Лотохин. Векселя, при вашем содействии, я выручил довольно дешево. Они действительно были фальшивые. Теперь имение Зои спасено.

Сосипатра. Ну, слава богу!

Лотохин. Можно видеть Сусанну Сергевну?

Сосипатра. Я ее поместила здесь. *(Показывает дверь направо.)* Хотите, вызову?

Лотохин. Сделайте одолжение!

Сосипатра *(у двери)* . Сусанна Сергевна, Наум Федотыч у нас.

Голос Сусанны: «Иду». Выходит Сусанна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сосипатра, Лотохин, Сусанна.

Лотохин *(целуя Сусанну)* . Здравствуй, моя ласточка! Как прыгаешь?

Сусанна. На удивленье! Здорова и весела.

Сосипатра. Вот и кстати, а у нас тут веселый разговор идет. Для веселого человека пищи много.

Сусанна. Что такое? Скажите, пожалуйста! Я очень люблю все веселое.

Сосипатра *(Лотохину)* . Сказать?

Лотохин. Скажите! Она свой человек.

Сосипатра. Вот видите ли! Я бы должна была молчать из чувства местного, так сказать, губернского патриотизма; потому что то, о чем мы разговаривали, нисколько не сделает нам чести, то есть главным образом нашей молодежи.

Сусанна. Молодежи? Ах, это очень интересно! Ну, душечка, Сосипатра Семеновна, скажите!

Сосипатра. Нечего делать, придется накладывать на себя руки и доставлять вам, столичной даме, материал для насмешек над нами, провинциалами.

Лотохин. Только, Сусанна, это секрет; ты нас не выдавай.

Сусанна. Ну, вот еще! Ах, дядя! Кого я здесь знаю, кому мне выдавать вас! Да хоть бы и знала, так разве я такая?... Вот уж я не сплетница-то... Я все держу в секрете и про себя, и про других. Мне только самой посмеяться, больше ничего.

Сосипатра. Так уговор дороже денег; потому что я буду называть по фамилиям.

Сусанна. Да кого же я здесь знаю?

Сосипатра. Может быть, кого-нибудь и знаете. Да я вам верю. Вот в чем дело: прошел слух, в чем я немножко виновата, что сюда приедет моя знакомая девица, невеста с миллионным приданым.

Сусанна. Кто такая ?

Сосипатра. Купеческая дочь Оболдуева.

Сусанна. Хорошенькая?

Сосипатра. То-то что нет. Она немного горбата и у ней черное родимое пятно, покрытое мелкой шерстью.

Сусанна. На видном месте?

Сосипатра. Да, скрыть мудрено. Оно занимает половину лица: лоб, бровь, левый глаз и полщеки.

Сусанна. Ах! Вот несчастье! Какое горе!

Лотохин. При миллионах-то всякому горю можно помочь; тут и родимые пятна не помеха.

Сусанна. Как же она людям показывается?

Сосипатра. Дома, при знакомых и родных, она всегда в полумаске; а когда выезжает, так надевает густую вуаль.

Сусанна. Так вы говорите, что она приедет?

Сосипатра. Да, ее ждут; и по тому случаю вся наша молодежь с ума сошла.

Сусанна. О таком-то уроде?

Лотохин. Не об уроде, а об миллионах.

Сосипатра. Да, убиваются об этих миллионах не только холостые, а даже и женатые.

Об чем они-то хлопочут, я уж не понимало. Разве хотят с женами развестись.

Сусанна. Кто, кто женатые? Это любопытно.

Сосипатра. Да уж я, право, не знаю, говорить ли.

Лотохин. Говорите, не выдадим.

Сосипатра. Да вот Аполлон Евгеньич Окоемов первый.

Сусанна. Ах, нет, не может быть! Я его знаю, я за него ручаюсь.

Лотохин. Погоди горячиться-то!

Сосипатра. Поручиться-то за него я не поручусь; а все-таки не думала, что он раньше других поинтересуется Оболдуевой.

Сусанна. А он что же?

Сосипатра. Уж два раза присылал осведомиться, не приехала ли она.

Сусанна. На что ему? Вот уж это непонятно. Дядя, ведь это совершенно непонятно?

Сосипатра. Просил доставить ему возможность поговорить с ней наедине.

Сусанна. Ах, Сосипатра Семеновна, позвольте, я вас поймала. Как же он мог присылать к вам, коли его в городе нет!

Сосипатра. Он сам говорил брату, что едет на охоту; должно быть, вернулся или остался, совсем не поехал.

Лотохин. Какой ему расчет на охоту в болото ехать! Бекасов да уток хоть целый ягдташ настреляй, все корысть-то не бог весть какая; а тут одну птичку подстрелил – и миллион. Любопытно бы послушать, как и об чем он станет с Оболдуевой разговаривать.

Сосипатра. Тут ничего нет любопытного. Все женатые, когда ухаживают, говорят одно и то же. Чтоб оправдать свой поступок и возбудить к себе сострадание, они обыкновенно жалуются на жен.

Сусанна задумывается.

Будь жена хоть ангел, все-таки на нее посыплются всевозможные обвинения.

Сусанна *(в задумчивости)*. А у Окоемова жена разве хорошая женщина?

Сосипатра. Я не говорю, кто из них лучше; я мужей с женами не сужу. Я говорю только, что у всех женатых одна песенка.

Сусанна. Уж будто непременно он будет бранить жену свою Оболдуевой? Может быть, он об чем-нибудь другом хочет поговорить с ней?

Сосипатра. Не о чем больше ему говорить. Хотите, я вам слово в слово передам его объяснение? «Я страдаю, моя душа разбита; мне нужно, чтоб меня любил кто-нибудь. Моя жена нехороша собой, глупа, зла и к тому же неверна мне. Если вы не можете помочь моему горю, так плачьте вместе со мной!» Варианты, конечно, могут быть разные, но тема все одна.

Сусанна *(горячо)*. Да почему вы знаете?

Сосипатра. Им говорить больше нечего. Поживите с мое, так вы и узнаете. Я готова с вами пари держать, что Окоемов будет именно эти самые слова говорить. Жаль только, что проверить этого нельзя: Оболдуева не придет.

Сусанна. Ах, как я желала бы выиграть! Уверю вас, что я выиграла бы непременно! На что будем держать пари?

Сосипатра. Да тут дело не в цене. Что бы ни выиграть, только выиграть. Тут задето самолюбие... Ну, хоть на конфеты.

Сусанна. Так извините, выиграю я. *(Задумывается.)* Мне приходит в голову соблазнительная мысль. Какого росту эта Оболдуева?

Сосипатра. Почти вашего.

Сусанна. Она умна, образованна?

Сосипатра. Ни то, ни другое. Из жалости, чтоб ее не мучить и не беспокоить, ее ничему не учили; у ней не было ни учителей, ни гувернанток; она едва знает грамоте. Время свое она проводит большею частью с няньками и самыми простыми горничными и переняла у них и тон, и манеры, и даже самые выражения.

Сусанна. И тон, и выражения эти я знаю. А как она одевается?

Сосипатра. Конечно, богато, только всегда накидывает что-нибудь на плечи, чтобы

скрыть горб, а лицо закрывает вуалем или надевает маску.

Сусанна. Подите сюда на минуточку! *(Отводит Сосипатру и что-то шепчет ей.)*

Сосипатра. Превосходная мысль! Я совершенно одобряю.

Входит Иван.

Иван *(Сосипатре)* . Аполлон Евгеньич Окоемов желают вас видеть.

Сусанна. Так я пойду. Дядя, до свидания!

Лотохин. Еще увидимся; я к вам на целый день.

Сусанна уходит направо.

Сосипатра *(Ивану)* . Проси сюда!

Иван уходит.

Дело идет на лад, Наум Федотыч.

Лотохин. Очень рад, Сосипатра Семеновна.

Входит Окоемов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сосипатра, Лотохин и Окоемов.

Окоемов *(целуя руку Сосипатры)* . Виноват, Сосипатра Семеновна; давно не был у вас, каюсь. То в Москве, то дела. Теперь опять под ваше крылышко. *(Обращаясь к Лотохину и подавая ему руку.)* А! это вы! Я заезжал к вам сегодня; мне нужны некоторые документы.

Лотохин. Все, что вам нужно, вы сегодня же получите. Я мешать вам не буду. Сосипатра Семеновна, я на минуточку отлучусь; есть делишки. Не прощаюсь. *(Уходит.)*

Сосипатра. Какой ветер занес вас ко мне?

Окоемов. Будто не знаете?

Сосипатра. Знаю, да плохо верится. Зачем вам Оболдуева? Вы женихом быть не можете; вы женаты. Какие же ваши намерения?

Окоемов. Не исповедуйте! Грехи свои, коли они есть у меня, и намерения я вам объясню после, и вы меня оправдаете. А теперь, если я стою, если в вас осталась хоть капля расположения ко мне, окажите милость.

Сосипатра. Какую прикажете?

Окоемов. У вас Оболдуева?

Сосипатра. Ну, положим, у меня; что ж потом?

Окоемов. Я давно добиваюсь с ней видиться, да отец не позволяет; я надеюсь, что вы будете снисходительнее отца. Дозвольте с ней поговорить!

Сосипатра. Да ведь вы незнакомы.

Окоемов. Это не беда; я отрекомендуюсь. Я знаю, что она меня видела... Не препятствуйте!

Сосипатра. Какой вы плут, однако!

Окоемов. Слово «плут» от вас не брань, а похвала; потому я и не обижаюсь.

Сосипатра. Она здесь! *(Указывает направо.)* Но я хотела, чтоб никто не знал о ее коротком пребывании у меня. Смотрите не проболтайте.

Окоемов. Да что вы! С какой стати я стану рассказывать. Я вам позволяю считать меня плутом, но никак не дураком; я хочу сам воспользоваться всеми выгодами пребывания здесь Оболдуевой; я сам хочу эксплуатировать этот предмет, так какой же расчет накликать конкурентов?

Сосипатра. Откровенно.

Окоемов. Перед вами-то! Что ж мне, святым, что ли, прикидываться? Так ведь не поверите.

Сосипатра. Не поверю. Не хотите ли, чтоб я сообщила вам еще какие-нибудь сведения о девице Оболдуевой ?

Окоемов. Сделайте одолжение! Для меня каждая малость дорога; мне все нужно

принять в соображение. Во-первых, я забыл, как ее зовут.

Сосипатра. Матрена Селивёрстовна. Еще чего не нужно ли?

Окоемов. Все, что ни скажете, для меня чистое золото.

Сосипатра. Вы ей нравитесь больше всех наших молодых людей.

Окоемов. Да неужели? Вы не шутите?

Сосипатра. Нисколько. Она затем и приехала, чтоб повидаться с вами.

Окоемов. Из чего же вы это заключаете?

Сосипатра. Она сама сказала; она ведь откровенна. Она говорит: «Я очень богата и в своих чувствах стеснять себя не желаю».

Окоемов. Как это мило с ее стороны.

Сосипатра. Теперь не желаете ли, чтоб я вас представила ей?

Окоемов. Уж осчастливьте до конца, по гроб не забуду.

Сосипатра (*в дверь направо*) . Матрена Селивёрстовна, не прячьтесь! Выползайте на свет божий. Здесь свои.

Выходит Оболдуева.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сосипатра, Окоемов и Оболдуева.

Сосипатра. Честь имею представить вам: Аполлон Евгеньич Окоемов.

Оболдуева. Да, это они; я их видела.

Сосипатра. Это ваш гость, а не мой; я могу оставить вас не извиняясь. Вы здесь хозяйка. (*Уходит.*)

Оболдуева (*сядась*) . Присядьте! Что ж вы!

Окоемов. Благодарю вас. (*Садится.*)

Оболдуева. Ну, что ж мы так-то сидим! Об чем же мы будем говорить? Говорите что-нибудь! Мне антиресно вас послушать.

Окоемов. Я давно искал случая; но я боюсь наскучить вам своими жалобами на судьбу; я человек несчастный.

Оболдуева. Да все одно, говорите что хотите, а я на вас смотреть буду.

Окоемов. Я очень несчастлив своей женитьбой, я погубил себя. Долго распространяться о своих горестях я не стану; скажу вам коротко: жена моя глупа, зла и, что хуже всего, неверна мне. Матрена Селиверстовна! помочь вы не можете, хоть пожалейте меня, хоть поплачьте вместе со мной.

Оболдуева. Жалеть всех невозможно, и ежели плакать обо всем, так слез неостанет.

Окоемов. Ах! Я несчастлив оттого, Матрена Селиверстовна, что родился с душой нежной, чувствительной.

Оболдуева. Что ж, это очень хорошо.

Окоемов. Но моя душа не находит ответа. С горя, с отчаяния, я хотел утешить себя веселой жизнью: я бросился в разгул, в общество людей праздных.

Оболдуева. И частенько таки вы...

Окоемов. Что «частенько»?

Оболдуева. Запиваете-то?

Окоемов. Я не запиваю.

Оболдуева. Да вы не лгите, лучше вы мне всю правду... Вы не стыдитесь! Нет... ежели не надолго да не часто, так раза два-три в год, так это ничего.

Окоемов. Нет, нет, не беспокойтесь! Я ищу любви, Матрена Селиверстовна... ищу и не нахожу... Я готов полюбить и буду любить всякую женщину. Мне красоты не нужно, мне нужно любящее сердце. Красоту я видал, а сердца не находил.

Оболдуева. Вот, одно сердце страдает, а другое не знает. Я жила здесь в городе, так все глаза проглядела на вас, когда, бывало, делаю проминаж. Я каждый день делаю

проминаж в карете и часто встречала вас на улице. Вот тогда я и полюбила вас за вашу красоту.

Окоемов. Какое несчастье, что я этого не знал. Я бы не женился, не сделал этой непростительной глупости.

Оболдуева. Да, уж вам теперь жениться нельзя и любить постороннюю женщину грех; потому что вы в законе живете.

Окоемов. Ну, я греха не побоюсь, я полюблю женщину, если она того стоит и меня любит.

Оболдуева. Это хорошо.

Окоемов. Да и жениться могу, нужно только развестись с женой.

Оболдуева. А это еще лучше, потому крепче, и для всякой женщины приятнее. Какое же это сравнение! муж или другой кто! Муж завсегда при тебе, никуда не уйдет, а другого как удержишь! Ежели вам на развод деньги нужны, так я могу дать сколько потребуется, я за этим не постою. Кого я полюблю, так тому человеку очень хорошо; и подарки дарю и деньгами даю.

Окоемов. Конечно, что же вам стоит при вашем состоянии.

Оболдуева. У нас есть молодец, просто артельщик, по-русски ходил; а понравился мне, так теперь в спинжаках ходит и при часах.

Окоемов. Вы, с вашими средствами, всякого можете осчастливить.

Оболдуева. Только ведь этого вашего разводу долго ждать.

Окоемов. С деньгами скоро сделаем.

Оболдуева. То-то же. Я еще вам вот что скажу: у меня такой характер, коли я кого люблю, чтобы и меня на ответ любить завсегда, постоянно и аккуратно, и чтоб никаких подлостей.

Окоемов. Да помилуйте, как это возможно! Ваше расположение каждый должен за счастье считать. Вы от измены застрахованы.

Оболдуева. Ну, смотрите же, чтоб никакого даже сумления не было, чтоб мне этим самым сумлением не мучиться. А то я от сумления могу прийти в расстройство. Так сами рассудите, какой же мне антирес за свои же деньги себе расстройство чувств получить?

Окоемов. Совершенно справедливо.

Оболдуева. И при всем том я в расстройстве бываю ужасно как горяча и не только что всякими бранными словами, но и руками бываю неосторожна. Так что меня все домашние даже очень боятся; потому я в это время никакой осторожности не наблюдаю, а что под руку попало.

Окоемов. Да, конечно, характеры бывают разные.

Оболдуева. Подождите, я подарю вам подарок. *(Встает.)*

Окоемов. Благодарю вас. *(Целует руку Оболдуевой.)*

Оболдуева. Ну, что целовать прежде времени. *(Уходит.)*

Из средней двери выходит Сосипатра.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Окоемов и Сосипатра.

Сосипатра. С чем поздравить?

Окоемов. С полным успехом. Я блаженствую. Благодарю вас.

Сосипатра. За что? Вы меня обижаете. Это уж ее и ваше дело, я тут ни при чем. И, пожалуйста, вы меня не путайте в эту историю. Она моя гостья, она желала вас видеть; я из гостеприимства не могла отказать ей, а какие у вас и у нее цели и намерения, это уж до меня не касается.

Окоемов. А вы правду говорили. Она совсем невоспитанна, такая простушка. Это немножко странно на первый взгляд; но ничего, пожалуй даже мило.

Сосипатра. Я эту милую простоту знаю. Она состоит в незнании того, что нужно знать, и в знании того, что не нужно знать. Надо быть глубоко безнравственным, чтобы мириться с такой простотой.

Окоемов. А миллионы-то вы и забыли; миллионы примирят со всем.

Сосипатра. А у меня в гостях еще одна ваша знакомая, московская, Сусанна Сергевна

Окоемов. Ах, увольте!

Сосипатра. Да уж я ей сказала, что вы здесь.

Окоемов. Нельзя ли как скрыться незаметным образом? Скажите, что я к ней заеду сегодня же. Где она остановилась?

Сосипатра. Что вы так перепугались? Видно, дело-то не чисто?

Окоемов. Нет, я тут ничуть не виноват, но она женщина навязчивая; она меня преследует своей любовью.

Сосипатра. Куда же вас спрятать, я не знаю. Да вот и она! Уж вы выпутывайтесь сами, как хотите!

Из средней двери выходит Сусанна, Сосипатра уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Окоемов и Сусанна.

Окоемов. Сусанна Сергевна! Какими судьбами?

Сусанна. Приехала имение закладывать да вас посмотреть.

Окоемов. Разве вы не получали моего письма?

Сусанна. Какого письма?

Окоемов. Я просил у вас извинения; я просил вас забыть меня и оставить все наши переговоры без последствий. Я писал вам, что я опомнился, что моя любовь к вам не была серьезной страстью, что это было какое-то безотчетное и неразумное увлечение, в котором я раскаиваюсь.

Сусанна. Нет, вы не раскаиваетесь, вы еще будете раскаиваться. Вы мне ничего не писали и намерение свое вы переменили только сегодня, когда увидели Оболдуеву.

Окоемов. А хоть бы и так; какое право вы имеете требовать от меня отчета? Вы не жена моя.

Сусанна. Ах, кстати! Я сейчас познакомилась с женой вашей, она очень милая женщина.

Окоемов *(с испугом)* . Она здесь?

Сусанна. Здесь. Что! Испугались?

Окоемов. Нет. Я ничего теперь не испугаюсь; я пойду напролом. Слишком велик куш, чтоб колебаться. Такие случаи не повторяются в жизни.

Сусанна. Ах, несчастный, как вы глубоко падаете. А главное-то, я из-за вас пари проиграла.

Окоемов. Какое пари?

Сусанна *(печально)* . Конфеты. Фунтов пять купить надо будет.

Окоемов. Ну, вот горе какое! Велики деньги!

Сусанна. Хоть и невелики, а все-таки дороже вас; вы и их не стоите. *(Уходит.)*

Окоемов. Что же Оболдуева не идет с подарком? Я бы скрылся в ее комнате.

Входит Пьер.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Окоемов, Пьер, потом Иван.

Пьер. Аполлон, я за тобой. Никандр Семеныч тебя дожидается.

Окоемов. Погоди, Пьер! Там жена; а мне не хотелось бы с ней встречаться.

Пьер. Ничего, мы проскользнем незаметно.

Окоемов. Мне надо подождать немного, я сейчас получу значительный куш.

Пьер. Интересные новости! Оболдуева вышла замуж.

Окоемов. То есть скоро выдет, а еще не вышла.

Пьер. Нет, вышла. У Никандра Семеныча сидит их управляющий; он говорит, что она вышла замуж на прошлой неделе за профессора.

Окоемов. За профессора?

Пьер. Белой магии. Никандр Семеныч говорит, что тебе сейчас надо ехать в Москву и кончать дело с Лундышевой.

Окоемов. Оболдуева здесь, говорю тебе; я сам ее видел.

Пьер. Ты ошибаешься. Справки наведены самым тщательным образом: у Сосипатры Семеновны остановилась какая-то барыня, приезжая из Москвы. С ней только одна горничная; я ее видел, прехорошенькая.

Окоемов. Вот эта приезжая-то Лундышева и есть. И я уж дело испортил.

Входит Иван.

Иван (подавая Окоемову пакет) . От госпожи Оболдуевой. (*Уходит.*)

Пьер. Вот сейчас все дело объяснится.

Окоемов (разорвав пакет) . Мои письма к Сусанне Сергевне Лундышевой. Я попал в ловушку.

Молчание.

Нет, я еще молод для крупных операций. Надо больше хладнокровия... Надо мной насмеялись, как над мальчишкой! И ведь было заметно... ведь я чувствовал, что тут что-то не так. Миллионы-то меня уж очень отуманили, Пьер. Кажется, посади передо мной куклу да скажи, что это Оболдуева, я и то бы стал ручки целовать. Куда же я гожусь после этого? На серьезное, честное дело не способен, при большом плутовстве – теряюсь; остается только мелкое мошенничество.

Пьер. Ты уж слишком мрачно смотришь на жизнь.

Окоемов. Теперь только одна надежда на милость жены. Я готов подчиниться ее приговору, как бы жесток он ни был. Все-таки это лучший выход из моего положения. Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов, а теперь что я? О, с какой радостью пошел бы я теперь в лакеи к самому себе. Бесподобное существование: у беспутного барина лакею житье отличное. Если жалованье получаешь не всегда аккуратно, зато доходы есть, и воровать можно сколько угодно. Потребности небольшие; пиджак с баринова плеча производит на горничных действие поразительное; всегда весел, и никакой ответственности ни перед совестью, ни перед обществом. Чем не жизнь?

Портьера открывается, входят Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Окоемов, Пьер, Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохин.

Сосипатра. Так тонут маленькие дети, Купаясь жаркою порой. Зоя Васильевна! я отмстила за вас; теперь оскорбление, нанесенное вам, заглажено если не в вашем сердце, так в общественном мнении. Я мстила вообще за женщину; а за себя расправляйтесь, как знаете! Позор, которым они хотели покрыть вас, обратился на их голову. Русский человек любит посмеяться над ближним, и смеется безжалостно. Вот пусть они попробуют теперь показаться куда-нибудь в публичное место; они оценят силу и меткость русского остроумия. А ваше несчастье послужит нам уроком: другая и призадумается перед замужеством-то, и не кинется очертя голову на шею первому встречному.

Лотохин. Нет, я с вами не согласен. Для женщины уроков нет... Мало ли было подобных историй, а женщины все те же.

Сосипатра. Ну, по крайней мере у нас в городе или хоть в нашем кружке этот случай послужит предостережением.

Лотохин. Едва ли.

Пьер (*Окоемову*) . Поедем! Пора!

Сосипатра. Куда вы торопитесь?

Пьер. У нас торжественный завтрак. Мы к Аполлинарии Антоновне, она выходит замуж за Жоржа

Лотохин. Ну, вот извольте полюбоваться. Вот вам и уроки! Бабе пятьдесят лет, выходит замуж чуть не за мальчика и рада-радехонька.

Сосипатра. Ну, уж теперь я молчу. Я завтра же уеду в деревню на все лето.

Сусанна. И я тоже.

Лотохин. А мы к тебе с Зоей Васильевной в гости.

Сусанна. Милости просим.

Лотохин. Выпишем твоего полковника, да и обвенчаем вас

Сусанна. Я его боюсь, он очень умен.

Лотохин. Ну, это беда небольшая. Поживете вместе и сравняетесь.

Сусанна. Ты думаешь, я поумнею?

Лотохин. Ну, это редко бывает. А скорее он поглупеет, как поживет с тобой. Вот и будет пара. (*Окоемову.*) Вы желаете получить документы? Из них я могу возвратить вам только доверенность Зои Васильевны, остальные вам не принадлежат. А доверенность я вам отдам с большим удовольствием, потому что она уж формально уничтожена. Я бы вам советовал уединиться в деревню годика на два, на три и заняться хозяйством, чтобы поправить те ущербы, которые вы нанесли имению. Управлять там будет новый управляющий, а вы будете только присматривать и помогать ему. Впрочем, как вам угодно.

Зоя. А я, как и всегда, хочу заплатить вам за зло добром. (*Отдает Окоемову пакет.*) Вот ваши векселя, я их выкупила. Вы боялись ответственности, эти векселя лежали тяжелым гнетом на душе вашей; в тревоге, в страхе вы готовы были даже на преступление. Теперь вам бояться нечего; ничто вас не тянет в пропасть; перед вами открыты все дороги, и хорошие и худые, и вы совершенно свободны в выборе.

Окоемов. Векселя! О, какое великодушие! Зоя, ты ангел!

Зоя. Вы меня пугали разлукой, и я ее очень боялась; теперь я сама желаю разлуки. Любить мужчину только за красоту я уже считаю безнравственным. Вчера я перенесла ужасную пытку; и эта пытка отрезвила меня. Если б вы с уважением, которого я заслуживаю, с любовью, которой я стою, сказали мне: «Зоя, я гибну, ты мешаешь моему счастью, спаси меня!» Я бы не винила вас, и кто знает, как бы я поступила. Я способна на самоотвержение, я вам это доказала. Вы говорили со мной не как муж, не как любящий человек, а как неисправимый, наглый развратник. Добрая, честная женщина способна на бесконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженные оскорбления; в горьких обстоятельствах терпению ее нет конца; но знайте, что есть границы, за которые честная женщина не перейдет никогда. Постарайтесь, - я не говорю исправиться, - постарайтесь найти в своей душе хоть что-нибудь доброе, честное, и я опять полюблю вас и все остальное прощу вам; от вас зависит, чтоб разлука наша не была вечной. Всякий хороший поступок ваш будет приближать вас ко мне и всякий дурной – отдалять от меня, Я уж не убеждаю вас, а прошу вас... вы видите мои слезы... постарайтесь быть порядочным человеком и доставьте мне счастье опять полюбить вас. Прощайте!